

ПЕСОЧНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ПАМЯТИ (О СОВРЕМЕННОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА)¹

П.В. Федоров

1. «МЕСТА» И «МЕСТЕЧКИ» ПАМЯТИ

Теория и история мемориальной культуры является интенсивно развивающейся областью научного знания. Теоретические проблемы памяти исследовались в работах зарубежных ученых Э. Дюркгейма, Г. Шумана, Ж. Скотта, Я. Ассмана, М. Хальбвакса, П. Нора, П. Томпсона, отечественных специалистов Ю.М. Лотмана, В.А. Колеватова, Е.А. Иваньшиной, И.Е. Козновой, Е.В. Головки, А.В. Святославского и многих других. По справедливому наблюдению Яна Ассмана, вокруг понятия «память» складывается новая парадигма наук о культуре².

И как всякая новая межпредметная область, она слишком упорно завоевывала себе право на существование притяжением наиболее яркого, крупного, лежащего на поверхности. Общеизвестно, что создатель теории «мест памяти» Пьер Нора рождает свои идеи в желании написать новую национальную историю Франции, под впечатлением легендарных исторических мест этой страны («от святынь Реймса до стены Коммунаров, от академической хвалебной речи и республиканского календаря до надгробных памятников, от Пантеона до исторического музея Версаля, от похорон Виктора Гюго до празднования столетия Революции»³), но они почти не имеют равнозначных аналогов в обыденности, что порождает проблему использования предложенных универсалий.

«Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации»⁴ – все ли из этих перечисленных П. Нора типичных «мест памяти» «работают» в современной глубинке, в тысячах безвестных уголков в наши дни? Нет ли здесь заведомо преувеличенного преклонения перед исторической прелестью? Сам П. Нора, обосновывая выдающееся значение Франции для изучения феномена памяти, вынужден был оговориться, что интенсивность коммеморации все же зависит от богатства «исторического репертуара», но при этом он не разъяснил предельные возможные значения этих переменных⁵.

Думается, что данное неудобство может быть разрешено раздвижением границ самих понятий. В промежутках между «местами памяти», описанными П. Нора в качестве триединства материального, символического и функционального⁶, должны существовать обыденные «местечки», имеющие менее выраженный мемориальный потенциал и представляющие собой скорее «строительный материал» для создания памяти.

Следует признать, что необходимость дальнейшего развития этой области неизбежно сталкивается с проблемой объяснения неяркого, рассеянного, словом, обыденного уровня.

В отличие от перенасыщенного символического пространства мировых исторических брендов, где богатый и сложный мир памяти сопровождается колоссальным количеством культурного материала, *обыденное* предполагает совсем иной колорит, порожденный не бедностью, а другой размерностью среды памяти. Миллиарды людей находятся во власти этой малой размерности в то время, как национальные и мировые конструкты памяти также владеют их умами. Находя обыденность теоретически полезной для осмысления основ мемориальной культуры, в настоящей работе мы нашли соприкосновение с ней через эмпирическое исследование культурной памяти старожильского населения северных районов Кольского полуострова.

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Мурманской области (проект № 13-11-51001 «Мемориальная культура старожильского населения Кольского Заполярья в условиях социальных трансформаций»).

² Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. М. М. Сокольской. – М., 2004. – С. 12.

³ Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / Пер. Д. Хапаевой. – СПб., 1999. – С.95.

⁴ Там же. С.26.

⁵ Там же. С.96.

⁶ Там же. С.40.

2. ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Выбор ареала исследования. Северные районы Кольского полуострова, или Мурман, стали заселяться русскими людьми начиная с XVI в. В течение трех столетий здесь находился только один населенный пункт с постоянными жителями – город Кола, а жизнь Мурмана определялась ритмами сезонных миграций рыбопромышленников между беломорскими селами и становищами Баренцева моря. Во второй половине XIX в. суровые берега Мурмана стали заселять колонисты. В советское время индустриальное и военное строительство на данной территории привело к появлению городов. Все эти изменения наложили отпечаток на местную культуру, которая, несмотря на глубину своих исторических корней, не могла не прерываться и не растворяться миграционной активностью населения.

Для эмпирического исследования были выбраны два исторических поселения Мурмана – город Кола и село Териберка. Расстояние между ними по прямой – около 90 км, по автодороге – 122 км. Оба поселения расположены на берегу заливов Баренцева моря, что на долгое время определило специфику занятий местного населения – морская деятельность.

Кола находится при впадении одноименной реки в Кольский залив¹. По надежным письменным данным, возникла она в XVI в. В 1582-1713 гг. была резиденцией кольских воевод. В 1583 г. здесь был построен деревянный «город» – Кольский острог. В течение длительного времени, приблизительно с начала XVII в. до 1899 г., была центром Кольского уезда (исключая 1858-1883 гг., когда центр уезда находился в г. Кемь). С момента своего зарождения Кола являлась базой мурманских рыбных промыслов. Среди местных жителей были рыбопромышленники, ремесленники, государственные чиновники и служащие, священнослужители, до 1854 г. военнослужащие. Преобладающую часть населения составляли русские. С XVII в. Кола использовалась как место ссылки. Среди наиболее известных ссыльных – участники восстания под предводительством Е.И. Пугачева.

Кола неоднократно отражала нападения врагов. В 1854 г. в результате 20-часовой бомбардировки с английского корабля «Миранда», несмотря на стойкое сопротивление местных жителей, практически вся застройка Колы была уничтожена. В том числе сгорели определявшие внешний облик города Кольский острог и выдающийся памятник деревянного зодчества Воскресенский собор. Но населенный пункт возродился. В 1926 г. Кола была преобразована в село, в 1935 г. – в рабочий поселок. С 1965 г. снова стала городом. В советское время в Коле возникли рыболовецкий колхоз «Пробуждение» (позднее стал называться «имени Третьей пятилетки»), макаронная и мебельная фабрики, гипсовый и пивоваренный заводы. После утраты статуса уездного центра Кола до 1927 г. оставалась центром Кольско-Лопарской волости, в дальнейшем стала центром Кольского района. Численность населения Колы медленно увеличивалась, достигнув своего апогея в конце советской эпохи (16,5 тыс. чел. в 1989 г.), после чего стала сокращаться. В 2010 г. она составляла 10,4 тыс. чел. В советское время Кола превратилась в спутник быстро растущего Мурманска, повышавшего миграционную активность местного населения.

Териберка расположена при впадении одноименной реки в Лодейную губу Баренцева моря². Также, как и Кола, она известна с XVI в. Однако до 1870 г. существовала лишь как рыбацкое становище с временным населением, приходившим сюда на период промыслов. По описи 1608 г., в Териберке имелось 6 изб. С 1870 г. начался процесс переселения в Териберку постоянных жителей (колонистов), в том числе и из Колы, – так становище превратилось в колонию. В 1888 г. здесь была открыта школа грамоты, в 1907 г. – училище с приютом для учеников из сторонних селений. Тогда же здесь были построены две церкви – во имя Илии Пророка (1875) и во имя Иконы Грузинской Божьей Матери (1885), закрытые после революции.

В 1938 г. Териберка переименована в рабочий поселок. В 1927-1960 гг. была центром Териберского района. В советское время в Териберке возникли рыболовецкий колхоз имени Ворошилова (позднее – имени XXI съезда КПСС), колхоз «Мурманец», рыбзавод, кирпичный завод, электростанция. В 1930 г. на берегу моря в Лодейном, в 2 км к западу от Териберки, были построены пристань и спасательная станция.

¹ См. иллюстрации 18, 19 во вкладке.

² См. иллюстрации 41, 42 во вкладке.

В связи с сокращением прибрежного промысла с 1960-х гг. начался упадок Териберки, что привело к сокращению численности населения (с 4,7 тыс. чел. в 1959 г. до 957 чел. в 2010 г.). В 1997 г. Териберка утратила статус поселка и была переименована в село, входящее ныне в состав Кольского района.

Подбор информантов. Поставив целью эмпирическое исследование культурной памяти, привязанной к местному ландшафту, следует признать, что самыми большими ее запасами будет обладать старожильческое население, именно в его среде следовало искать информантов. Учитывая, что научно обоснованных критериев для определения понятия «старожил» не существует, гипотетически для старожила был выбран ценз длительности проживания на одном месте в размере длины двух поколений (50 лет). Допускались старожилы двух родов: потомственные (родившиеся здесь) и переселенные из других мест.

Информанты Колы подбирались с помощью клуба краеведов «Коляне», информанты Териберки – при поддержке местной библиотеки. Приоритет отдавался самому старшему поколению местных жителей, готовых к общению. Всего было выявлено: по Коле – 15 информантов, по Териберке – 11.

Реальная практика подбора информантов выявила трудности субъективного характера, в результате чего от взятого ценза в определенных случаях пришлось отклониться в сторону уменьшения (табл. 1,2). Причем, в Коле это отклонение можно признать несущественным: лишь один информант (из 15) имел срок проживания ниже ценза, притом, всего лишь на 4 года.

В Териберке таких примеров оказалось больше (3 из 11 информантов) и они уже напоминают исключения. В виду недостатка здесь лиц, располагавших возможностью дать интервью, в число информантов были включены также два местных жителя Териберки со сроками проживания 35 лет и 42 года. В первом случае это отклонение компенсировалось тем, что сам информант с момента рождения (за исключением двух лет) проживал в других районах северной части Кольского полуострова – на момент проведения интервью весь его опыт жизни на этой территории составлял уже 45 лет.

Думается, что состав информантов объективно отразил поколенческую структуру населенных пунктов: в Коле она оказалась развита сильнее, чем в Териберке. Большая часть информантов Колы (11 из 15) связали свою семейную историю с досоветским прошлым этого города. 7 кольских информантов родились в Коле до Великой Отечественной войны.

В то же время подавляющее число информантов Териберки (10 из 11), по собственным рассказам, связывали приезд своей семьи в этот населенный пункт уже с советским периодом. Причем, все информанты (кроме одного) – как потомственные, так и переселенные, – родились в Териберке или переехали в нее после 1944 г.

С трудом удалось отыскать информанта (да и то в Мурманске) с опытом проживания в Териберке и ближних поселениях в довоенный период (1928-1941 гг.). На момент проведения интервью в общей сложности информант прожил в северных районах Кольского полуострова около 60 лет.

Следовательно, исследованием было охвачено два первых, следующих за революцией 1917 г., поколения местных жителей. Уникальность этого слоя состоит в том, что, с одной стороны, он теснейшим образом соприкасался с последними поколениями местных жителей дореволюционной эпохи, имея возможность вобрать в себя традиции их культурной памяти. С другой стороны, стал носителем уже другой мемориальной культуры, сформировавшейся под влиянием атеизма, борьбы с «ненавистным прошлым», затем пересмотра и отказа от этих установок.

Программа исследования. Для изучения мемориальных практик современного старожильского населения было выбрано несколько инструментальных способов:

1) выявление и фиксация «ментальной» памяти с помощью проведения устного интервью с информантом;

2) выявление и фиксация «материальной» памяти: личных коллекций артефактов и документов, находящихся в распоряжении информантов, а также объектов, включенных в культурный ландшафт поселений, – кладбищ, наивных памятников, географических и архитектурных объектов и т.д.

Вопросник устного интервью разрабатывался на общей методологической основе, но с учетом специфики Колы и Териберки (см. приложения 1,2). Вопросы подбирались с тем расче-

том, чтобы спровоцировать реакции спонтанной и управляемой памяти, извлечь информацию, хранящуюся в легендарной (транспоколенческой) памяти, долговременной памяти очевидца или современника события, наконец, памяти, переходящей в сиюминутное действие (отношение) (см. табл.3). Содержательно вопросы интервью были привязаны к целому ряду линий, в т.ч. к памяти о семье, населенном пункте, местной речи, местных ритуалах, артефактах.

Интегральное интервьюирование старожилов по единой программе преследовало цель снижения внешнего и случайного воздействия, являющегося неизбежной помехой при проведении устно-исторических исследований. Следовательно, можно говорить о получении, наряду с индивидуальными текстами информантов, метатекста, позволяющего выделить типическое и повторяемое.

Интервьюирование информантов проводилось исследовательской группой, в которую преимущественно вошли студенты Мурманского государственного гуманитарного университета. Методические инструкции по проведению и оформлению интервью были изданы отдельной брошюрой¹. Перед выходом к информантам каждый член группы прошел подготовку в рамках обучающего семинара-тренинга. Запись интервью фиксировалась на цифровые диктофоны.

Эмпирический материал. Полевые исследования в Коле и Териберке проходили в 2012-2013 гг. при поддержке грантов РГНФ и Правительства Мурманской области (проекты № 12-11-51600е, № 13-11-51001). Суммарная длительность аудиозаписи интервью составила 30 часов. Декодирование интервью в письменную форму проводилась аутентично аудиозаписи. От нескольких старожилов участниками экспедиции были получены письменные воспоминания с разрешением на их обнародование. Была сформирована коллекция фотографий артефактов материальных объектов памяти. От информантов были получены сведения, позволившие подготовить символические карты-схемы Колы и Териберки.

Аналоги. Мемориальная культура местного населения еще не была предметом комплексных и целенаправленных исследований в северной части Кольского полуострова, в отличие от центральных и южных его районов, изучавшихся И.А. Разумовой и ее коллегами².

Определенный эмпирический материал по северу тем не менее накапливался в местных музейных и библиотечных собраниях.

В фондах Мурманского областного краеведческого музея имеются письменные записи рассказов старожилов Колы, сделанные А.П. Поповым в 1938 г.³ В полном виде они никогда не публиковались⁴.

57 воспоминаний жителей Колы, опубликованные в период с 1938 по 2011 гг., были выявлены А.А. Малашенковым в местной периодической печати, хранящейся в фондах Мурманской областной научной библиотеки⁵.

Данные материалы обогащают картину развития мемориальной культуры на Кольском Севере и учитывались при проведении исследования.

3. ИНДИВИД И ПАМЯТЬ: МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ СТАРОЖИЛОВ

В ходе проведения исследований в Коле и Териберке был выявлен целый ряд мемориальных практик, которыми пользуются современные старожилы на уровне функционирования их *личной* памяти. Эти практики, различаясь по степени свернутости или развернутости по отношению к внешнему миру, являются частными случаями по сравнению со структурами памяти, выходящими за операционную зону индивида, в сферу надындивидуального и социального.

¹ См.: Федоров П.В. Историческое интервью: Практикум по устной истории. – Мурманск, 2012.

² См.: Разумова И.А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой Воды» и Хибин. – СПб., 2009; История семьи Жидких на фоне поморской культуры: Исследование и публикация по материалам Г.Ф. Белошицкой / Общая редакция и вступительная статья И.А. Разумовой. – Апатиты, 2013.

³ Мурманский областной краеведческий музей. НВ 5187/1-15. Л.46-61.

⁴ Воспоминания старожилов Колы, записанные А.П. Поповым в 1938 г., включены в настоящее издание (с.40-47).

⁵ Аннотированная библиография материалов периодической печати «Прошлое Колы в воспоминаниях ее жителей» включена в настоящее издание (с.49-55).

3.1. Спонтанная память

Самые значительные запасы обыденной памяти формируются внутри носителя мемориальной культуры *спонтанно*, т.е. самопроизвольно и безконтрольно по отношению как к внутренней, так и к внешней рефлексии. Результатом приобретения жизненного опыта индивидуумом становится усвоение им неупорядоченного множества событий, оценок, чувств по отношению к пережитому. Спонтанная память малопредсказуема и осмысленна для самих информантов. Возможно, этим объясняются звучащие в ходе интервью сомнения информантов по поводу своей полезности.

«... Тут информации-то никакой... практически. Я бы рада, если бы вот что-то помнила да знала, я бы рада помочь. Но я говорю, если б это раньше было... намного. Если бы вот знать, что это будет вестись все... можно было записать все... вот эти вот выражения бабушек... все это как бы, но... Ничего такого нет, не помню... Провал... Никакой информации не дала толковой, но что делать...» (К10:7.3¹)

«... Сказать ничего не могу конкретного именно, а что-то по истории... Рассказать я ничего не могу толком.» (Т10:3.9)

Спонтанная память, являясь результатом глубоко интимного процесса, при ее вербализации, открытии миру, сталкивается с проблемой внутреннего цензурирования: о чем можно рассказать, а о чем нет? Поскольку принятие этого решения нередко уместается в какие-нибудь доли секунды, информант не может не чувствовать скованности и неудобства от необходимости открытия спонтанной памяти. Думается, тем же вызван отказ ряда информантов опубликовать интервью под своим именем. Так, 4 человека из опрошенных 26 информантов Колы и Терiberки не подписали разрешений и работали анонимно. Та же причина могла сказываться и в нежелании ряда старожилых вообще участвовать в интервьюировании, что утяжелило процедуру предварительного отбора информантов.

Взаимодействие информанта с пластами своей спонтанной памяти требует от него быстрого осмысления и упорядочивания информации, что не всегда приводит к продуктивному результату. Так, например, многие старожилы затруднились с ответом на вопрос «Помните ли Вы старинные слова, которые употребляли жители вашего поселения?». Между тем при ответе на другие вопросы, требовавшие старожильческой «компетентности», они могли успешно оперировать устаревшей лексикой, уже выпавшей из современной обыденной речи, но сохранявшейся средствами спонтанной памяти в качестве знаков из прошлого².

Устаревшее слово не сразу исчезает из языка, оно еще вполне спонтанно бытует в мире воспоминаний носителей мемориальной культуры. Спонтанные «воспоминания» являются для этого слова последним убежищем перед попаданием в конструируемый научным сознанием «словарный» музей или окончательной гибелью.

Спонтанная память не только поддерживает жизнь ускользающего слова, но и, как выяснилось, обеспечивает приобщение к традиции ритуала, будь то свадьба, праздник, похороны или посещение кладбища. Все наши попытки реконструировать тот или иной ритуал, используя память информантов, сталкивались с трудностями их осмысленного описания. Содержательный компонент ритуала не представляет актуальности для участника всего действия. Гораздо более важной становится память об участии в ритуале, чем сам ритуал.

Напрашивается вопрос, как же происходила реконструкция ритуала наяву, благодаря чему традиции передавались от поколения к поколению, если подавляющее число принимавших участие в ритуале скользило по его внешней поверхности, не заглядывая внутрь? Мы не получили ответ на этот вопрос, но по косвенным данным готовы предположить, что традиции ритуалов могли держаться на особых «знающих» людях, которые осуществляли надзор за их сохранением через консультирование и организационную помощь.

¹ Ссылка на источник информации: первая часть соответствует номеру информанта (К10), во второй части после двоеточия – вопрос интервью, откуда взята цитата (7.3). Тексты интервью опубликованы в настоящем издании.

² См. указатель «Местная (севернорусская) лексика в культурной памяти старожилых прибрежных районов Баренцева моря» в настоящем издании (с.391-395).

3.2. От спонтанной к управляемой памяти

Но не все информанты довольствуются одной лишь спонтанной памятью. Некоторые из них проявляют к ней повышенную саморефлексию, делая эти внутренние процессы все более управляемыми с точки зрения собственных действий. Так появляется *управляемая память*, которая способна стать одной из точек личностного совершенствования.

С одной стороны, речь идет о тренировке мнемических функций – вспоминания и припоминания. Постоянное самокопание в спонтанной памяти невольно улучшает ее организацию и переводит в другое качество. С другой стороны, данная деятельность, на пересечении спонтанной и управляемой памяти, вызывает потребность в возникновении новых практик, к которым относятся хранение и коллекционирование, воспроизведение памяти других лиц, наивное мемуарирование, наивное картографирование, рисование по памяти, составление родословных.

Хранение и коллекционирование. *Хранение* документов, фотографий, памятных вещей – это результат функционирования еще не вполне управляемой памяти, но уже и не спонтанной. Ценные артефакты могут собираться и складываться в домах информантов естественно, без специального умысла. Но когда эта деятельность приобретает определенную цель, романтическую окраску и чувство азарта, она становится *коллекционированием*.

Подавляющая часть информантов отметила наличие у них фотографий, личных документов и одной-двух памятных вещей. Лишь единицы из них, чьи семьи живут с досоветских времен (некоторые старожилы Колы), обладают более-менее состоятельными собраниями вещей, доставшихся в наследство от предков (швейные машинки, сундук, инструменты, посуда, иконы и т.д.)¹. Назвать это классическим коллекционированием тем не менее сложно.

Правда, зачатки коллекционирования все же присутствуют у тех информантов, кто занимается своей родословной: разыскания в архивах приносят иногда интересные документальные находки, которые пополняют семейные собрания.

Интервью, проведенные в Коле и Териберке, показали, что артефакт или документ становится прекрасным поводом, способным разбудить дремлющую спонтанную память, подвигнуть ее на рассказ, который, быть может, никогда не появился бы вне связи с этой вещью. Комментарии личных или семейных фотографий подобен *голосу «за кадром»* – его функция дополнить визуальный текст словесным.

«Соловарака... Ну, соль варили, наверно. Мы там... А вот у меня фотографии, где мы... наши игры проходили там. В этой... в испанке я... эти все... вот это вот фотография (достает фотографию). Вот она. Возможно, это там, на горке и есть. Это вот тоже наша пионервожатая, которая здесь, еще тут одна, вот она. Вот в испанках. Это во время испанской войны... Шапочки и кисточка-то спереди. Вот такие. Они были синего цвета. Вот такие прямоугольные.» (КЗ:3.4.7)

Особый род коллекционирования представляет собой сбор песен. Подобный случай имел место в Коле. Информант Т.М. Рожкова хранит тетрадь, в которую ее бабушка записывала частушки².

Воспроизведение воспоминаний других лиц. Память теряет спонтанность при попытке воспроизвести воспоминания других лиц, например, предков. Это значит, что определенная работа по упорядочиванию информации, ее фиксации в сознании информанта уже проводилась. Потребность в воспроизведении воспоминаний других лиц возникает, как правило, в тех случаях, когда сам носитель памяти не может выступить очевидцем.

«Отец вспоминал молодость свою. Так... Ходили они, ходили кататься к [современному] Гипсовому заводу. Так вот как... зимой-то... Рождество, говорит, собирались, молодежь собиралась, и собирали провизию и на ночь уходили там, при Луне катались с гор.» (КЗ:3.4.5)

Наиболее высокую управляемость память получает при воспроизведении преданий, легенд, требующих точного пересказа сюжета. Однако в современных мемориальных практиках

¹ См. фотографии во вкладке настоящего издания.

² Данная коллекция частушек с любезного разрешения Т.М. Рожковой включена в настоящее издание (с.261-270).

старожилов примеров взаимодействия с высокими жанрами устного народного творчества замечено не было.

Наивное мемуарирование. Более высокий уровень организации управляемой памяти представлен в таком виде деятельности, как написание воспоминаний, или *мемуарирование*. В данном случае речь идет не о профессиональных, а о наивных мемуарах, которые изначально предназначались не для опубликования, а для внутреннего (личного и семейного) использования. В ходе полевых исследований был выявлен целый ряд рукописных примеров местной наивной мемуаристики (В.С. Лопинцев, Е.М. Попова, Т.А. Уварова). Авторы-информанты, с пользой для науки, любезно согласились их опубликовать¹. Воспоминания, написанные В.С. Лопинцевым и Т.А. Уваровой, представляют собой комплексы несвязанных между собой небольших текстов. Мемуары Е.М. Поповой – более крупное повествование, состоящее из целого ряда разделов.

Центральные сюжетные линии в наивных мемуарах составляют биографии мемуариста и родственников, описание повседневности, топонимики, местной речи.

Наивное картографирование. Еще одним способом «переработки» спонтанной памяти, повышения ее управляемости стала деятельность информантов по наивному картографированию местности. В этом виде занятий старожил должен вспомнить наполненность окружавшего его культурного ландшафта. Как правило, эта деятельность не ведется информантами в обычной обстановке и возникает как ответ на внешний запрос исследователя.

В практике работы с информантами Колы и Териберки мы апробировали два способа наивного картографирования: *ландшафтная экскурсия* и *ландшафтное черчение*.

В ландшафтной экскурсии информант сам показывает местность, рассказывает о сохранившихся и несохранившихся объектах, уточняет их пространственную локализацию. При этом нанесение объектов на карту-схему проводит специалист. Этот способ был с успехом применен в Териберке, где значительная часть объектов продолжает сохраняться. На основе таких вот прогулок с информантом Александрой Михайловной Васильевой была подготовлена символическая карта-схема этого населенного пункта².

Ландшафтное черчение предполагает взаимодействие с контурной картой-схемой местности уже самого информанта. Данная работа имеет более высокую сложность по сравнению с ландшафтной экскурсией и посильна лишь тем информантам, кто знаком с основами картографирования. Среди кольских старожилов, например, этой работой с удовольствием занимался Валентин Сергеевич Лопинцев, в прошлом учитель физики и технического труда. По собственной инициативе он разработал эскизный набросок карты окрестностей Колы, указав на ней целый ряд известных ему географических объектов. Некоторые из предложенных им топонимов не зафиксированы в географических словарях и на профессиональных картах³.

Жившая в 1930-е гг. в Териберке и Гаврилово информант Тамара Алексеевна Уварова в дополнение к своим письменным воспоминаниям нарисовала эскизы планов обоих поселений, отобразив в них схематично положение улиц и домов, географические ориентиры.

В самой Коле, где множество объектов было утрачено в результате проведенной в 1960-70-е гг. интенсивной застройки города, с успехом было применено ландшафтное черчение при одновременном участии коллектива старожилов (В.С. Лопинцев, Р.С. Лопинцева, О.В. Обнорская, А.М. Фролова и др.)⁴. Их совместное обсуждение эскиза приводило к взаимной корректировке, уточнению и определенной верификации заносимой информации. На основании этого эскиза была подготовлена символическая карта-схема Колы⁵.

Рисование по памяти. Для передачи образа вспоминаемого объекта иногда информант пользуется, наряду со словесными, изобразительными средствами. Так, Валентин Сергеевич Лопинцев по памяти обычной шариковой ручкой сделал зарисовки некогда существовавшего в

¹ Указанные примеры местной наивной мемуаристики опубликованы в настоящем издании.

² Символическая карта-схема Териберки включена в настоящее издание (см. вкладку).

³ Карта окрестностей г. Колы включена в настоящее издание (см. вкладку).

⁴ Эта полезная в научном отношении акция проходила при поддержке главы муниципального образования г. Колы Р.Г. Кузьменко, за что хотелось бы ей выразить благодарность.

⁵ Символическая карта-схема Колы включена в настоящее издание (см. вкладку).

Коле каменного моста через ров¹, а также применявшегося в хозяйственной деятельности приспособления для сушки травы – стожара.

Рисование по памяти может принимать и профессиональную форму. Известны работы жившего на берегу реки Туломы (к юго-западу от Колы) потомка финских переселенцев Свена Петровича Локко, на которых он запечатлел облик известных ему с детства ландшафтов, часть из которых была потеряна в результате затопления².

Составление родословных. Изучением корней своей семьи активно занимается та часть информантов, из потомственных старожилов, чьи предки с давних времен проживали в Коле (Р.С. Лопинцева, Т.М. Рожкова, А.М. Фролова). В меньшей степени к этой деятельности приобщены переселенные старожилы. Эти разыскания сравнимы с профессиональной исследовательской деятельностью: они включают в себя поиски в архивах (лично или по запросам), составление поколенных росписей и генеалогических схем, наконец, репрезентацию достигнутых результатов в устных рассказах и небольших статьях³.

3.3. Личная управляемая память: от интимности к публичности

Управляемая память индивида в стремлении наладить коммуникации с внешним миром может выходить за рамки интимного, личного, принимая форму *публикуемой памяти*. Ей в большей степени свойственна направленность, тенденциозность, стратегичность. Это последняя стадия перед созданием коммеморации, хотя возникновение последней определяется не столько желаниями носителя памяти, сколько способностью внешнего мира принять и переработать этот «вызов», облачив его, как пишет П. Нора, в материальное, символическое и функциональное одновременно. При работе со старожилами Колы и Териберки мы встретились с целым рядом форм проявления публикуемой памяти.

Ассоциации. Одна из форм функционирования личной памяти в публичном пространстве реализуется через вовлечение носителей мемориальной культуры в различного рода ассоциации, деятельность которых так или иначе связана с памятью. Подобные общественные организации имеются в Коле и Териберке, но представляют собой они разные модели.

В 2012 г. группа членов Мурманского родословного общества в Коле организовала клуб краеведов «Коляне» (руководители О.В. Обнорская, А.А. Малашенков)⁴. Эта организация создавалась с целью пиара той работы, которую ведут потомки старинных кольских семей по поиску своих родословных. В деятельности клуба проступают и более широкие смыслы, обусловленные заботой о сохранении местной памяти в целом. Один из проектов, который вынашивают его члены, – возобновление в Коле музея в качестве центра хранения памяти⁵.

В Териберке роль подобной ассоциации памяти выполняет Русский поморский хор, действующий с 1935 г. Ее цементирующим основанием стала не только приверженность традициям богатой русской песенной культуры, но и мемориализация уходящего культурного ландшафта, к которому принадлежала и Териберка, через традиционную одежду, ритуальные практики, особенный «северный» репертуар песен и т.д. Хор стал средством передачи культурной информации от поколения к поколению.

«Ну, у меня в основном только в памяти вот песни, то, что мать передала...»
(Т9:6.1)

Ассоциации «памяти» для своих членов служат своеобразным механизмом прикрепления к местному, на основе чего происходит обретение смыслов жизни.

«Я все говорю, Юль, ну приезжай. Для нее Териберка уже стала, знаете... Ну, Юлечка, ты же здесь школу кончила, ты же здесь это... жила, как же тебе не хочется. Здесь, говорит, такая скукота. Не знаю, она приезжает вот, 2-3 часа

¹ См. иллюстрацию 36 во вкладке.

² Локко С.П. Воспоминания о Мурмане. – Рованиemi, 2008.

³ См., например: Лопинцева Р.С. Из старого альбома // Кольский родословец: Альманах Мурманского родословного общества. – Мурманск, 2001. – Вып. 2. – С. 35-38; Рожкова Т. М. Жеребцовы // Кольский родословец: Альманах Мурманского родословного общества. – Мурманск, 2006. – Вып. 4. – С. 56-75.

⁴ См. иллюстрацию 37 во вкладке.

⁵ О деятельности клуба «Коляне» см. статью А.А. Малашенкова в настоящем издании (с.271-273).

все, ей надо уже уезжать, она уже здесь не может. Ее уже поглотила та жизнь, это уже ей... не знаю. Ну, вот так вот. У меня такая вот жизнь. Ну, я бы не сказала, что совсем-то плохая, мне так, я, во-первых, очень рада, что вот выбрала работу на всю жизнь, понимаете, я вот 40 лет с детьми уже отработала. И что все время вот с людьми, и это... в хоре с людьми, там с детьми, как-то вот вся жизнь была... все время бурлила. Она не стояла на месте. Это вот сейчас уже стала в последнее время и то, говорю, наверно, в хор ходить не буду, так, а как ты будешь? Что ты будешь? Без хора ты не можешь жить. Ну, что делать... Говорю, пока есть силы, надо ходить. Вот так. Работала и пела.» (Т9:7.2)

Характерно, что членами ассоциаций становятся не только местные уроженцы, но и проживающие здесь выходцы из других регионов России, испытывающие потребность в общении к местным традициям¹.

Участие в выставках. Память открывает себя внешнему миру и через выставки личных и семейных собраний артефактов и документов, которые могут проводиться в библиотеках, клубах, домах и центрах культуры.

В 2006 г. при участии колян, членов Мурманского родословного общества, в Кольском районном центре культуры была организована выставка семейных собраний «Старая кольская квартира»². Другая выставка была подготовлена клубом краеведов «Коляне» и действовала на базе Кольской межпоселенческой библиотеки с мая по декабрь 2012 г.³

В Териберском доме культуры в июне 2012 г. проводилась фотовыставка «Уходящее село», на которой были представлены работы нашего информанта Анастасии Владимировны Дмитриевой. На фотографиях, сделанных автором в первой половине 1980-х гг., были запечатлены виды Териберки, ее старые постройки, суда колхозного флота.

Публичное мемуарирование. В обнародовании письменных воспоминаний старожил была заинтересована местная периодическая печать, которая, должно быть, нередко сама же и выступала их заказчиком. Традиция, заложенная в советский период, была ориентирована на использование памяти информантов в идеологических целях: авторы воспоминаний должны были рассказать, как «плохо» жилось при царе, как защищали идеалы Октября в годы Гражданской войны, как создавали первые пионерские отряды и т.д. Этим данный вид мемуаристики отличается от наивных, менее амбиционных воспоминаний, предназначенных не для публикации, а для личного или семейного использования.

В газетах «Заполярный труд» и «Кольское слово» (Кола) были выявлены десятки статей или интервью с воспоминаниями, принадлежащих местным жителям⁴. Опубликованные, конечно, в переработанном и отредактированном виде, они тем не менее представляют интерес как факты мемуарной деятельности.

Установка наивных памятников. Вершиной публикуемой памяти является возведение памятника, который своим присутствием призван что-то увековечивать. В данном случае речь идет не о профессиональных памятниках, а о наивных сооружениях, которые устанавливаются частным или общественным рвением, из подручных, недорогих материалов, как правило, не представляют собой произведения искусства. Между тем их появление свидетельствует о самом радикальном влиянии памяти, материализующейся в культурном ландшафте. Самыми распространенными видами наивных памятников являются поклонные кресты и надгробные сооружения.

¹ В буклете «Русский поморский хор п. Териберка», изданном Мурманским областным центром творчества и досуга (Мурманск, 2005), приводятся места рождения участников хора: М.С. Селезнева - Карельская АССР, К.И. Зацепанюк - г. Мурманск, Л.С. Шандарова - Териберка, Е.А. Кожина - Териберка, З.В. Антонова - Вологодская обл., Е.А. Базарова - Архангельская обл., К.А. Фомина - Ленинградская обл., О.Н. Николаева - Нижегородская обл., А. Романов - Териберка, А. Базаров - Териберка.

² См.: Полярная правда. - 2006. - 5 октября.

³ См. иллюстрацию 38 во вкладке.

⁴ Аннотированная библиография материалов периодической печати «Прошлое Колы в воспоминаниях ее жителей», подготовленная А.А. Малашенковым, включена в настоящее издание (с.49-55).

В настоящее время в Териберке установлено три поклонных креста: один – при въезде на Териберский мост; другой – на горе, в сторону Корабельного; третий (под навесом) – установлен на месте снесенного в 1996 г. здания церкви Св. Пророка Илии, на берегу Лодейной губы¹.

Особое мемориальное пространство представляют собой кладбища. Кольское городское кладбище на Каменном острове возникло, по-видимому, в XVIII веке. Является старейшим на территории Мурманской области городским погребальным комплексом. Здесь сохранились 22 каменных надгробия, относящихся к периоду 1821-1922 гг. Но основной массив захоронений принадлежит уже современному периоду – с 1950-х гг. до наших дней².

Териберское кладбище расположено в некотором удалении к востоку от жилой застройки, на возвышенности, у самой Лодейной губы. На современном Териберском кладбище самые старые из обнаруженных захоронений датируются 1930-ми годами. Основной массив сохранившихся захоронений здесь так же, как и в Коле, относится к послевоенному периоду, включая надгробия самого последнего времени³.

При существовании строгих канонов погребальной культуры, местное мемориальное творчество находит свое выражение в устройстве семейно-родственных участков, форме памятника, наличии эпитафии, графических изображений на нем и т.д. При этом вид и размеры самого надмогильного сооружения на фоне всего кладбищенского ландшафта призваны сигнализировать о статусе похороненного или его семьи.

Немаловажно, что памятники обусловлены появлением среди людей определенного культа и нередко регулярных действий (ритуалов), направленных на его соблюдение (возложение цветов, подновление, покраску, ремонт памятника и т.д.). Все эти действия или ритуалы сами по себе есть тоже форма проявления публикуемой памяти.

4. ОТ ЛИЧНОЙ К ОБЩЕЙ ПАМЯТИ: ДИНАМИКА МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Мемориальные усилия каждого носителя памяти неизбежно отражают в себе или предвосхищают собой и нечто *общее* для всех. На первый взгляд, кажущееся статичным, это общее подвергается, хотя и медленным, но основательным сдвигам и разрывам под воздействием социальных трансформаций. Как же повела себя культурная память населения северных районов Кольского полуострова в условиях модернизации, перекройки всей традиционной модели жизни?

4.1. Глубина и избирательность памяти

В 1938 г. на основе опроса кольских старожилов А.П. Попов составил записи их устных творений. Хотя сама фиксация была проведена не вполне профессионально, без аутентичной привязки к устной речи, собранный материал позволяет сделать некоторые наблюдения о глубине и характере памяти того времени.

¹ См. иллюстрацию 43 во вкладке.

² Кольскому городскому кладбищу посвящен ряд публикаций: Федоров П.В., Сеницкий А.Н. Кольский некрополь: опыт исторической реконструкции (XIX – начало XX в.). – Мурманск, 2001; Кольский некрополь – памятник истории и культуры северного уездного города России XIX – начала XX вв.: Каталог / Сост. П.В. Федоров, А.А. Малашенков. – Мурманск, 2010; Малашенков А.А., Федоров П.В. Новые находки в Кольском некрополе // VI Ушаковские чтения. – Мурманск, 2010. – С. 224-227; Федоров П.В., Малашенков А.А. Социокультурная динамика населенного пункта по данным некрополя (на примере города Колы) // Некрополи Кольского Севера: изучение, сохранение, коммуникация. – Мурманск, 2013. – С. 101-106; Малашенков А.А. Достопримечательные захоронения Кольского городского кладбища на Каменном острове (1922-2013 гг.) // Там же. – С. 107-139.

³ См.: Федоров П.В., Малашенков А.А. Описание кладбища с. Териберка // Некрополи Кольского Севера: изучение, сохранение, коммуникация. – Мурманск, 2013. – С. 145-147.

Бросается в глаза дискретность текста: он с легкостью распался на короткие, законченные повествования, в каждом из которых присутствовало не более одной сюжетной линии¹. Среди жанровых форм мемуарного творчества старожилов в собрании А.П. Попова встречаются *предание* и *рассказ очевидца*.

Предание описывает удаленные во времени события, произошедшие до рождения информанта, а, следовательно, передаваемые от поколения к поколению. Будучи небольшим, емким повествованием вокруг яркого, запоминающегося события или явления, предание было скомпановано таким образом, чтобы максимально облегчить передачу следующим поколениям закодированной информации.

Глубина памяти, судя по содержанию записанных в Коле преданий, доходила до четырех столетий. Старожилами воспроизводились предания о нападении врагов в XVI-XVII и XIX вв., проповеднической деятельности Трифона Печенгского и Варлаама Керетского, «белых червях», прогрызавших деревянные морские суда, «стрелецком кладбище» и т.д.

«Над Кольским заливом есть волок Летинский. Раньше около него нельзя было ездить на деревянных судах, т.к. деревянные части сразу же прогрызались белыми водяными червями. Долгое время легкую деревянную посуду приходилось перетаскивать через Летинский мыс по настилу, который делался из бревен. Остатки этого настила и сейчас заметны.» (А.П. Попов. Записи о с. Коле, написанные в январе 1938 г. – Мурманский областной краеведческий музей. НВ 5187/1-15. Л.60-60об.)

В отличие от предания, рассказ очевидца уже не исключал повествования от лица самого рассказчика, что сближало его с устной историей. Рассказывались различные достойные внимания случаи, произошедшие на памяти информантов: наводнение и землетрясение в Коле, ведение местной летописи священником, приезд великого князя и т.д.

«Мне тогда было лет 9. Должно быть, это было в августе. Часов около 11 стояли мы с ребятами около дома Жеребцовых. Вдруг мы почувствовали колебание почвы. Стояли мы как на волне. Но это было недолго. От колебаний потрескались в окнах стекла и собор дал трещины.» (А.П. Попов. Записи о с. Коле, написанные в январе 1938 г. – Мурманский областной краеведческий музей. НВ 5187/1-15. Л.50.)

Рассказ очевидца в собрании А.П. Попова, по своей литературной форме имея лаконичный и законченный сюжет, являлся своего рода *протопреданием*², т.е., перейдя к другому поколению, мог превратиться в предание. Но, как и в живом мире, рассказ очевидца ждал естественный отбор, поскольку память сохраняла и передавала в будущее лишь самые яркие повествования.

В рассказы и тем более предания могли проникать неточные сведения. Достоверность соседствовала с вымыслом. Например, один из информантов утверждал, что «Кола существует лет 800», тогда как, по документальным сведениям, она появилась не ранее XVI в.

Один из рассказов содержит аллегории, основанные на библейских мотивах.

«Помнит Филосов [Суслов] на своей памяти и «колдунов» и старушек, которые спали по 3 дня подряд и после рассказывали «сны о загробной жизни», крепко религиозен. Во многом видит явления предсказаний в библии. Так, напр[имер], говорит, в библии сказано, что «будут птицы летать с носом железным и конскими гривами», а теперь они появились – это аэропланы. Или «вся земля будет связана железом и будут ходить огненные змеи». Сейчас вся земля связана железом – машинами, а огненные змеи – это ракеты. От стариков часто слышал поговорку: «Со всей России соберется народ на Пур-наволоке». А сейчас на Пур-наволоке вырос г. Мурманск.» (А.П. Попов. Записи о с. Коле, написанные в январе 1938 г. – Мурманский областной краеведческий музей. НВ 5187/1-15. Л.52об.-53.)

¹ Воспоминания старожилов Колы, записанные А.П. Поповым в 1938 г., включены в настоящее издание.

² От греческого *протоу*, что означает *перед*.

Сравнение этих материалов с мемориальным творчеством современных старожилов свидетельствует о том, что глубина и сам характер памяти ныне изменились. Воспроизведение пришедших из старины преданий у современных информантов практически отсутствует. Рассказы о кольских подземных ходах, встречающиеся в Коле и сегодня, имеют непонятную природу. Они могли придти из глубины веков, но могли стать продуктом и более поздних наслоений через популяризацию научных достижений и последующую народную переработку. В 1958 г. В.В. Косточкин по документальным источникам установил, что в Кольском остроге существовал «потайной выход» за город. С 1960 г. об этих ходах стал писать и известный мурманский историк И.Ф. Ушаков (см. табл.4).

Актуальная глубина самобытной памяти, т.е. такой памяти, которая не зависит от научно-популярных и краеведческих знаний и зачастую даже конкурирует с ними, как для потомственных, так и для переселенных старожилов, в настоящее время ограничивается горизонтом двух поколений предков, с учетом собственной жизни – до 100 лет¹.

Таким образом, по сравнению с 1938 г. произошло сокращение глубины памяти, что, возможно, связано с процессом ее десакрализации. Память утрачивает смыслы иррационального, таинственного, священного и становится механизмом прагматичного личного запоминания. Если раньше человек приобретал свой социальный статус уже благодаря самой причастности к знанию предков, мог пересказывать истории, услышанные от стариков, по многу раз (таким статусом в Коле, например, обладал Философ Сулов), то сегодня преобладает другая тенденция – превращение воспоминания в средство выстраивания собственного образа, рассказ о себе самом, вне зависимости от того, какая модель самопрезентации взята за основу – «я и населенный пункт», «я и мое предприятие», «я и моя семья» и т.д. Главным поводом воспоминаний становится личный опыт жизни информанта.

Современных информантов не смущает незнание ими преданий, поверий, легенд, поскольку, как объяснил один из них:

«Я не такой древний человек» (К8:3.8)

Меняется и строй текста. Односюжетное и простое *предание* уступило место *мемориальной прозе* (как в устной, так и в письменной, мемуарной, ее форме), сюжет которой может формироваться, исходя из разных концептуальных видений, и распасться на несколько линий. Современный мемориальный текст не так просто, а порой и невозможно, разделить на короткие повествования, как это получилось при беседе со старожилами в 1938 г. у А.П. Попова.

Так, в небольшом отрывке современной мемориальной прозы информант оказывается способным рассказать о старом мосте через реку, хранящейся у него фотографии и репрессированном родственнике. В процессе повествования рассказчик как бы обменивается ролями – местного жителя, владельца фотореликвии и племянника.

«Мост построили деревянный уже тоже... Сначала он здесь... у меня даже где-то есть фотография, на таких есть... не фермы стояли, а просто такой мостик. Где-то у меня даже есть фотография. Ну и вот, вот это мост. Он проглядывается с Каменного острова. Дядя мой вот Баньковский, у него фотоаппарат был лейка, и он фотографировал Колу очень много. Может, из-за это-

¹ Эти наблюдения своеобразно подтверждаются данными некрополя. В настоящий момент на старинном Кольском городском кладбище 97,4 % подписанных и датированных захоронений относятся к временному интервалу с 1950-х гг. до современности, тогда как более ранние захоронения являются в основном уже утраченными. Можно сделать вывод о том, что в пределах этой «границы сохранности» местное сообщество массово следит и ухаживает за могилами своих родственников. Проявившаяся к настоящему моменту глубина «границы сохранности» в ландшафте Кольского кладбища, думается, связана с тем, что воплощенный в погребальную культуру культ предков у многих современных жителей Колы сосредоточен, как правило, на тех старших родственниках, с кем связывало *личное знакомство*. Подавляющая часть ныне живущих в Коле старожилов (1920-30-х гг. рождения) может сохранять четкие воспоминания о старших родственниках, умерших в основном не ранее 1950-х гг. Причем, в пределах настоящей «границы сохранности» (начиная с 1950-х гг. до современности) у них могут быть похоронены не более 2-х поколений предков (родители – бабушки, дедушки), что вполне коррелируется с актуальной глубиной культурной памяти в 100 лет. См.: Федоров П.В., Малашенков А.А. Социокультурная динамика населенного пункта по данным некрополя (на примере города Колы) // Некрополи Кольского Севера: изучение, сохранение, коммуникация. – Мурманск, 2013. – С. 101-106.

го он и пострадал, наверное, его за это... Это ему приписали... что фотографий много было в то время...» (К3:3.4.1)

В отличие от предания, мемориальная проза восприимчива не только к яркому, нетипичному, но и к тихим и, на первый взгляд, неприметным фактам, составляющим *новейшую семейную историю, автобиографию и повседневность*.

Предание живет в бесконечных циклах повторения, а потому монологично. Мемориальная проза, напротив, погружена в пространство *диалога*, нуждаясь в *обратной связи*. Современному носителю памяти в процессе своего творчества важно сознавать *соучастие* и *заинтересованность* своего слушателя, читателя, потребителя памяти.

«Это вот сочинение, мы тогда поднимали тоже все письма старые, вот это вот, что чего, сейчас я вам скажу... вот это тут, ладно. Хотите, сами почитайте. Да я вам могу просто её отдать, потому, что это я специально просила дочку. Чтоб она нам отсканировала, потому что у нас есть в компьютере эти. Я могу просто вам, чтобы вы не фотографировали, могу вам отдать. Вы можете познакомиться просто с текстом... что-то вам, что-то возьмете оттуда...» (К8:7.2)

Мемориальная проза превратилась в инструмент социализации. Ныне для вспоминающего имеет значение, в каком контексте его воспоминания дойдут до той или иной группы потребителей (ровесников, молодежи, родных, друзей и т.д.). Мысль о том, что воспоминания могут быть открыты для всех групп сразу, настораживает информантов. Право на дифференциацию контекстов памяти – характерная особенность современной мемориальной культуры глубинки.

«Так это по всему свету? Моя память, я там ничего такого... не знаю, что и говорила так... Я ничего такого хорошего и не сказала, дак. Не знаю, куда пошлют... У меня дочь там услышит в Эстонии, скажет: "Ну, бабушка..."» (Т6:7.3)

В отличие от пришедшего из глубины веков лаконичного предания, многословность современной мемориальной прозы затрудняет передачу ее от поколения к поколению вербальным способом. Но сравнительно легко могут передаваться и запоминаться ее контексты, смыслы, на что, по-видимому, и рассчитана современная мемориальная рефлексия. Так, при всем многообразии ответов на вопрос, почему семья переехала в Колу, каждый информант был настроен на определенный контекст, стараясь выделить лишь один определяющий фактор: свободу, «хорошую жизнь», службу, личную инициативу, ссылку, женитьбу и т.д. Запомнить не слова, а оценки, не речевую форму, а смысловой фон – таковы возможные перспективы вербализации памяти сегодня и в будущем.

Исчезновение предания компенсируется *рационализацией* или *сборкой* тех ресурсов, которые память в состоянии для этого приспособить. При ответе на вопрос, кто был основателем (первожителем) Колы, информанты, не имея возможности пересказать перешедшее с молоком матери предание, опираются на те остаточные знания, которые представляют собой *местные компетенции* – неразделимую смесь устного народного творчества, научной и околонучной популяризации, а также собственных представлений. Статусом основателей Колы они наделяют народ или государство в лице конкретной социальной группы – лопарей, поморов, беглых или ссыльных, а также высшую государственную власть.

Таким образом, ни глубокая поколенческая структура иных кольских семей, ни удаленное положение Териберки от городов не смогли остановить процесса трансформации мемориального ландшафта. В этих условиях происходит стремительная утеря старых значений памяти или подмена их новыми.

Во второй половине XIX в. Териберка стала заселяться колонистами, получавшими государственные льготы. Поэтому вплоть до советского времени поселение называлось *колонией*. Характерно, что не все териберские информанты могут сегодня объяснить то специфическое значение слова «колония», которое относилось к Териберке во второй половине XIX – начале XX в. Оно забывается. В отдельных случаях информанты упомянули о других известных им значениях: *колония* как лагерь заключенных или *колония* как территория, захваченная в ходе политики колониализма. Но не одно из этих значений они не могли уверенно связать с Териберкой.

«... Не «колония», а у меня в памяти слово «колонисты». Это говорила мать, что вот когда они вот приехали сюда, то вот здесь жили колонисты... Почему их так называли... я не в курсе, но она все время говорила, что первые, которые приехали сюда, видимо, осваивать, были колонисты. А почему их так называли, я не знаю. Может, что они сидели, не могу сказать...» (Т9:4.1.1)

«Колонии, колонии... сведения, что здесь колонисты, нет, я не знаю, здесь вот такого слова в Териберке, такого слова, что колонисты там или оккупанты там или еще что-то и близко не было.» (Т10:4.1.1)

Данный пример подтверждает прагматизм и субъективность современной памяти, которая отсекает всё то, что утратило актуальность в сознании ее носителя.

4.2. Проблема оседлости и память

Метаморфозы культурной памяти кольских и териберских старожилов происходили в XX веке на фоне интенсивного изменения состава местного населения. Остановимся на этой проблеме подробнее.

Население Мурмана передвигалось во все времена. И до революции здесь мигрировали сезонные рыбопромышленники (поморы), священнослужители, военнослужащие, колонисты, ссыльные и т.д. Данные особенности тем не менее оказывались не способны нарушить глубину и строй культурной памяти, благодаря тому, что ее проводником и хранителем было постоянное население, небольшое по численности, но с большим потенциалом к местной адаптации. У представителей именно такой социальной группы собирал легенды в 1938 г. А.П. Попов.

Запасы прочности оседлого населения в то время обеспечивали и обжитость места, и традиции большой патриархальной семьи. Сожжение Колы в результате английского нападения 1854 г. не привело к исчезновению поселения, несмотря на то, что местные власти настаивали на выезде. Как показали наши с А.А. Малашенковым расчеты, большая часть местных жителей (за исключением военнослужащих, чиновников и ссыльных) не стала менять место жительства, благодаря чему Кола быстро восстановилась¹. Средний размер семейно-родственной группы в Коле с 1861 до 1915 г. вырос с 5,5 до 7,4 человек².

Укорененное местное сознание выделяло и дистанцировало приезжавших. В Коле бытовало даже особое слово *катанки* (*катанцины* или *катаници*), с нескрываемой небрежностью выражавшее отношение к тем, кто жил вне оседлости.

«У нас бабушка была старенькая... Фомина, она жила тоже в том районе. Она все говорила: "Катанки понаехали здесь" (смеется). Чужие. "Правда, наших не осталось... кольских никого, – говорит. – Катанцины."» (К6:4.1)

«У меня мама все время говорила: "Понаприехали катаници, жить в Коле стало невозможно"» (К14:4.1)

В течение XX века ситуация изменилась и заселение северных районов Кольского полуострова приобрело другой характер. Резкое увеличение численности мигрантов сопровождалось массовой утратой качества оседлости. Измельчание семьи, бытовые трудности, возникшая мода на выезд за пределы края во время отпусков и другие факторы приводили к тому, что в «место жизни» стали вмещаться новые смыслы. Причем, они коснулись не только, собственно, переселившихся мигрантов, но и потомственных старожилов, которые в своих интервью сообщали, что собирались навсегда уехать из своего населенного пункта, а некоторые даже совершали попытку, но затем возвращались.

«Моменты... Вы знаете, вот я думала, конечно, это как каждый человек думает. Хочется уехать в теплые края. Но она... настолько я люблю этот город... И поэтому, где бы я ни была в отпуске, меня все равно тянет домой. И я... и вроде как думала... даже я думала так: вот если бы у меня было какое-то там жилье в Вологде поближе к архиву (смеется). Ну, вот еще бы я, может быть,

¹ Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. – Мурманск, 2011. – Доп. часть. Указатели. – С. 13-16.

² Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. – Мурманск, 2010. – Ч. I: Словарь. – С. 35.

согласилась. Но так уже даже и в мыслях у меня этого нет. Пять поколений, у меня тут могилки. Куда ж я уеду? У меня тут и дед, у меня тут и мама, и ее сестра похоронена. И все. И отец мой. Нет.» (К11:7.1)

«У меня была такая возможность. Я уезжал... У нас кооперативная квартира в Литве выстроена была в 80-м году. У меня там душа не лежала. 10 лет мы там держали квартиру. А тут... это... потом пошли заварушки в Прибалтике... И мы отказались, продали там и все... И вообще желания не было. И по сей день. И не представляю, как куда-то уехать.» (К3:7.1)

«...Я вернулась сюда. Тяжело было снова вжиться, прижиться, это что... Сам этот климат. Но люди, конечно, тогда не было проблемы, но климат. Снова вжиться очень-очень тяжело. Долго приживалась, наверное. И поэтому когда вот... Уже думаешь, уже нет, нет всё, уже нет, осела, всё. Тяжело, знаешь, трудно, но это своя, знаешь, вот именно чувствуешь... Много не мило, много не нравится, но это уже своё, наверное, потому что когда вот тут это вот...» (Т8:7.1)

В ожидании миграционного рывка память «привыкает» отрываться от «места» и привязывается к сознанию ее носителя. Отсюда коннотативный фон самих воспоминаний начинает зависеть от случайных причин, в частности, настроения информанта в данный момент, нередко изменяясь до неузнаваемости.

«...Думаю уехать только потому, что мне жутко не нравится, что происходит сейчас в Коле, и то, что мы ничего не можем, вот, сколько мы ни бьемся, мы ничего не можем. Сдвинуть с мертвой точки мы ничего не можем. Вот мы в собственном... котле варимся, мы друг другу вот говорим наболеее, вроде вот нас слушают, вот уже сколько мэров в Коле было. Петров, потом... забыла даже, как фамилия, вот перед этим еще один был. И все нас слушают, все записывают. [Один], например, вот, до этого был депутатом Кольского района. Вот который сейчас-то тоже баллотировался. Мы, помню, к нему пришли, он еще тогда вот, вроде, выслушал нас, и такая реакция была, подхихикнул «Ой, у меня тоже дома где-то пионерский галстук валяется, надо его тоже как в музей». То есть отношение людей... к старине, к тому, чтобы что-то сохранить, по крайней мере, у власти, я не вижу. Вот сколько их поменялось уже вот у нас здесь, интереса нет... может быть потому, что они не местные. Вот у меня только... оправдать могу только этим, что им не интересно, потому что они не местные. Вот если бы их предки здесь жили, им бы может быть захотелось их как-то... все-то о Коле увековечить. Чтобы о них больше народу... ну, чтобы о них хотя бы так... ну, порядок навести в Коле хотя бы, музей открыть. А интереса нету вот ни у кого.» (К14:7.1)

Таким образом, на качество культурной памяти не может не влиять качество оседлости, которое отражает не простую механическую сумму прожитого времени на одном месте, а способность носителя памяти к ретрансляции местного «культурного кода» от старших к младшим поколениям в течение всей своей жизни. Ожидание отъезда и отъезд носителя памяти (происходящие, пускай, только в замыслах) лишают его такой возможности. Наряду с причинами универсального порядка, такая местная специфика лишь ускорила гибель предания на фоне сокращения глубины памяти. С другой стороны, она же привязывала память к новым содержательным стратегиям, актуальным для ее носителя.

4.3. Память и коммуникация

Памяти приходится отвечать на вызовы модернизации: охраняя традиции, искать компромиссы и коммуникации как внутри себя, так и с внешним миром.

Внутренние разрывы памяти: попытка «склеивания». П. Нора совершенно справедливо указывал на значение храмов как потенциальных «мест памяти». Православная культура сильно пострадала во время советских гонений на Церковь, именно сюда, где находятся

жизненно важные узлы памяти нации, пришелся мощный удар. Неудивительно, что образовавшиеся здесь разрывы стали залатываться силами инерции, собственно, еще в советский период.

Нетипичный пример народной коммеморации в советское время представляет собой кольский поклонный (путный) крест 1635 г., являющийся одним из самых древних «мест памяти» в Коле. Несмотря на провозглашенную властями борьбу с религией, крест не только был сохранен, но и фактически продолжал оставаться символом уходящего культурного ландшафта Колы. Будучи в прямой доступности для каждого, он находился на улице под навесом. Получив статус объекта культурного наследия федерального значения в 1974 г.,¹ впоследствии древний артефакт был перенесен в здание Кольской Благовещенской церкви².

Уникальная ситуация произошла и с самой Благовещенской церковью, одним из первых каменных зданий на Кольском Севере (1807 г.). Храм был закрыт в 1960 г. – в момент очередного всплеска антирелигиозной борьбы. Церковное убранство было выломано. В «месте памяти» расположились школьные мастерские.

От прозябания и дальнейшего разрушения бывший храм неожиданно спасла идея открытия в нем Музея поморского быта. Проект был реализован в 1984 г. в качестве территориального подразделения Мурманского областного краеведческого музея. Музейная экспозиция пополнилась старинными вещами (предметами домашнего обихода, образцами традиционной одежды и т.д.), которые приносили сами коляне³. Кольский музей стал представлять собой странную для того времени смесь конкурирующих позиций: «очага» советской культуры и «места памяти», связанного с досоветским прошлым Колы. Как отмечал один из авторов проекта В.А. Пожидаев, в этом музее «православная вера говорит с человеком из глубины веков своим собственным, а не вульгарно-атеистическим языком... Прошлое церкви восстановлено таким образом, каким оно было в живой жизни: икона и лампада рядом с ручной мельницей, псалтырь рядом с ткацким станком, модель храма рядом с косой-горбушей и лаптями, кладбищенские кресты рядом с резными наличниками»⁴. На храме-музее даже были восстановлены православные кресты⁵. 25 февраля 1983 г. на выездном заседании Ученого совета Мурманского областного краеведческого музея в Кольском райкоме КПСС речь среди прочего шла о создании раздела иконописи в экспозиции и возобновлении колокольного звона⁶.

Однако спустя несколько лет, на фоне потепления климата вокруг религиозных организаций, возникли предложения о возвращении церковного здания верующим. Полемика, развернувшаяся в Коле, Мурманске и на страницах периодической печати, показала, что местные жители в основном одобряли идею открытия церкви, предлагая подыскать под музей другое помещение⁷. Возникший вдруг порыв за выселение музея, по выражению одного из информантов, превратился в кампанию.

«И пошла это... кампания. Я сама лично стояла и собирала подписи, чтоб храм передали церкви. А это... Музей открыть это... пообещали... У нас есть целая история... Это... Что дадут место... И там ещё был объявлен конкурс, где лучше поставить. Даже был... Немецкий остров были... Предполагали... Предполагали, чтобы сделать там музей...» (К5:3.7)

В 1992 г. богослужения в храме возобновились. Музей же лишился крыши. Помещения ему так и не нашли, а фонды перевезли в хранилища Мурманского областного краеведческого музея. Так одна форма коммеморации сменила другую.

Стремление к возрождению поруганных святынь присутствовало и в Териберке. Находившееся на берегу Лодейной губы здание старинной церкви Св. Пророка Илии в советское время превратили в склад, который был разрушен у всех на глазах в 1996 г.

¹ Свод памятников Мурманской области. – Мурманск, 2009. – С. 25.

² См.: Полярная правда. – 1987. – 12 сентября.

³ См.: Заполярный труд. – 1984. – 25 октября.

⁴ См.: Полярная правда. – 1990. – 26 декабря.

⁵ Там же.

⁶ См.: Протокол и стенограмма заседания Ученого Совета МОКМ от 25 февраля 1983 г. // Мурманский областной краеведческий музей. Фонд ПХ. Д.242.

⁷ См.: Заполярный труд. 1990. – 3 февраля; Там же. – 17 февраля; Там же. – 12 июня; Там же – 19 июня; Там же. – 21 июня; Там же. – 18 декабря.

Местные жители установили рядом с этим местом поклонный крест под навесом¹. Тогда же поблизости, на волне того же порыва, была открыта домовая часовня, получившая название церкви-предшественницы – Св. Пророка Илии².

«И матушка, и отчим ее, Заборщиков Александр Иванович, они там немножко организовали как типа церковенку такую, ну к ним на праздник могли зайти там, поставить за упокой или за здравие свечку. Вот здесь. А Генка поставил там крестик. И сейчас он стоит.» (Т10:3.7)

При всей своей значимости, попытки «склеивания» расколотой памяти не кажутся такими органичными. С момента закрытия Териберской церкви выросло, как минимум, три поколения, а Кольской церкви – одно поколение людей. Восстановление святынь фактически проводилось теми, кто сформировался в обстановке воинствующего атеизма и негативного отношения к «проклятому прошлому».

«Мы, понимаете, в такое время выросли, выросли атеистами, потому, что в наше время было не принято ходить в церковь, и у нас даже преследовалось, и поэтому особо и не интересовались этим.» (К8:3.5)

«[Крест] здесь стоял. А потом его отсюда убрали, он стоял... в церкви стоял долго. А сейчас я даже не знаю, где он... там, где тут уже. Может, в церкви стоит? Я в церковь редко хожу.» (К8:3.6)

Рефлексия памяти в Коле оказалась более действенна в силу сохранности здания храма и сравнительно позднего его закрытия, благодаря чему носителями воспоминаний о прежней Благовещенской церкви были те же поколения, кто участвовал в ее восстановлении.

«Представляете, вот была церковь, храм был. Какая там была акустика. Я вообще не понимаю. Там когда вот дед пел, аж мурашки бегали по телу, я просто не могла даже... Акустика, у него такой голос сильный, мощный был. И вот после этого... сделали школьные мастерские, и мне надо было туда ходить. Понимаете, как я переступала этот порог... И там, где алтарь, сделали от алтаря... сделали холодный туалет в этом месте рядом с алтарем. Яму выкопали там... ну, холодный туалет для учеников. Именно, где алтарь. Рядом был похоронен священник Андрей Иннокентьевич Попов³. Выкопали его могилу, останки вот эти, куски парчи, всё... валялись на территории. Мы же там рядом... Это был... Я еще была... школьницей... мне было лет 12, наверное. От ужаса... я убежала, у меня волосы дыбом стояли.» (К11:3.5)

В Териберке сам «разрыв» оказался куда глубже. Размыванию памяти способствовала активная миграция населения и исчезновение тех семейно-родственных групп, которые жили здесь до революции. Современное население села помнит не сам храм, а только его руины.

«Церковь была уже при нас, ну здание было... И сколько ни белили, все в углу крест просвечивал, забелят-забелят-забелят – снова крест... снова крест...» (Т4:3.7)

«Загнали туда трактор, а потом все это разобрали...» (Т11:3.7)

В конце концов форма начинает преобладать над содержанием. Никто из териберских информантов не смог вспомнить, в честь какого святого была названа их церковь. Домовая часовня не действует, а возле поклонного креста на месте древней церкви сегодня не найти следа ритуалов.

Активных жителей Колы и после открытия храма не удовлетворяет положение с местной памятью, поэтому они отчаянно борются за воссоздание в Коле своего музея и возвращение в него всех тех предметов, которые в свое время поступили из семейных собраний колян⁴.

Все тем же стремлением «склеить» память было продиктовано восстановление старинных захоронений кольских священнослужителей⁵. На городском кладбище Колы было рестав-

¹ См. иллюстрацию 43 во вкладке.

² См. иллюстрацию 44 во вкладке.

³ Имеется в виду протоиерей Александр Иннокентьевич Попов (1827-1911), похороненный у Благовещенской церкви в г. Коле.

⁴ См.: Кольское слово. – 2006. – 10 ноября; Там же. – 2013. – 1 марта.

⁵ См. иллюстрации 39, 40 во вкладке.

рировано надгробие протоиерея и первого краеведа Георгия Терентиева, а у стены Благовещенской церкви установлен памятник на захоронениях отца Александра Попова и его жены¹. С момента смерти данных деятелей прошло более 100 лет. Мало кто в современной Коле знает об их деятельности. Тем самым память только скользит по поверхности уходящего мемориального ландшафта, не стремясь заглянуть вглубь.

Внешние границы памяти: охраняя традицию. Современной памяти приходится не только «залечивать» внутренние разрывы, но и охранять внешние границы своего идентита от посягательств инородного. Похожая ситуация возникла в обоих поселениях: Коле угрожает поглощением Мурманск, а Териберке – Лодейное. По сути, эту пространственную бинарность порождает все тот же разрыв памяти, конкуренция старого и нового, наступление новации на традицию, вследствие чего память вынуждена обороняться, засев в «окопе» своего места.

1989 г. был отмечен дискуссией о включении Колы в черту города Мурманска в качестве городского района. Начало ей положил пленум Мурманского областного правления Союза научных и инженерных обществ СССР, где данная инициатива выглядела хорошо завуалированным проектом решения областных властей². Под основание данной меры подводилась мысль о возможности ускоренного развития Колы за счет потенциала крупного города-порта. Память колян в виде писем, обращений, ходатайств активно вмешалась и составила конкуренцию этой экономической концепции, фактически остановив эскалацию принятия решения³. Тем самым идентичность места была защищена.

Конкуренция Териберки и Лодейного приняла более затяжной характер. Лодейное, возникнув как выселок, морская пристань, со временем развилась, превысив Териберку по численности населения. Администрация села переместилась в Лодейное, при этом за последним сохранилось старое название «Териберка». Но жители старой Териберки продолжают пользоваться разными названиями. Находясь в ментальной оппозиции к Лодейному, они вынуждены постоянно визуализировать и сравнивать его со своим местом, охраняя тем самым внешнюю границу своей памяти.

«А Лодейное к нам относилось тоже тогда, но только там мало домов было. Они к нам относились... они... они это... и работали часть здесь... здесь были судоремонтные мастерские были здесь, и он и сейчас дом разваленный стоит, этот домик. И они здесь работали, но там мало было населения. Там два или три этих... больших дома было, и вот тут вот... тут вот, на берегу, на том берегу два-три дома. Больше там не было... Но они работали у нас раньше... там ничего не было... там было болото.» (Т4:3.4)

«...инициативу перехватило Лодейное и там уже у них чего-то такое основательное, вот так...» (Т7:3.4)

«Нет, это другой поселок. Это просто последнее время сделали под Териберкой один, наверное, так удобнее стало, а так оно Лодейной, конечно, всегда было... Мы как... с лодейнинскими дружим. И муж у меня из Лодейного был, вот пережились все... Ну, такая негласная борьба у нас идет.» (Т11:3.4.1)

Угрозой для памяти могут восприниматься не только близрасположенные поселения, но и более отдаленные точки, наделенные властным статусом. Соответствующий коннотативный фон возникал, когда информант говорил о включении Териберки в состав Кольского района.

«...Вот Кола нас захватила (смеется) в плен.» (Т7:3.4.2)

Таким образом, мемориальная культура старожильского населения не только меняется под воздействием социальных трансформаций, но и противостоит им, чем своеобразно обеспечивается баланс старого и нового, традиций и новаций.

¹ См.: Кольское слово. – 2012. – 16 ноября.

² См.: Заполярный труд. – 1989. – 17 октября.

³ См.: Заполярный труд. – 1989. – 26 октября; Там же. – 7 ноября; Там же. – 30 ноября; Там же. – 9 декабря; Там же. – 12 декабря; Там же. – 16 декабря; Там же. – 21 декабря;

5. К РАЗРАБОТКЕ ТЕОРИИ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Данный раздел статьи задумывался в качестве предложений к теории мемориальной культуры. Раскрытые здесь тезисы не носят пока целостного и досконально осмысленного характера, но они были навеяны теми эмпирическими исследованиями памяти, которые проводились в ходе экспедиции 2012-2013 гг.

Проблема категорий. Создав концепт «место памяти», П. Нора считал возможным обосновать новый способ историописания, основанный не на привычном, линейном времяисчислении, а на циклическом. Время у П. Нора оказывается «захваченным» пространством или местом: «Это история не дерминирующих факторов, но их последствий, не актов мемориальных или даже коммемориальных, но их следов и игры, не событий самих по себе, но их конструирования во времени, их уничтожения, воскрешения их значений, не прошлого, такого, каким оно прошло, но его постоянных и новых переложений, его подлинного и извращенного использования, его наполненности последовательной цепью настоящих; история не традиции, но способа, которым она создается и передается»¹.

Рассуждая о «местах памяти», П. Нора обращает внимание на то, что одни из них очевидны для всех и легко определяемы. Другие же нуждаются в более мощном «радаре», требуют от историка не просто уже рефлексии, но и готовности конструировать и создавать². «Место памяти существует только постольку, – пишет П. Нора, – поскольку, если можно так выразиться, историк в состоянии "меморизировать место"»³.

Проблемы, которые до сих пор определяют состояние данной области, связаны с поиском вполне конкретного методологического инструментария для конструирования и препарирования «мест памяти». От качества его разработанности и, соответственно, от степени его принятия научным сообществом зависит, станет ли мемориальная культура новым измерением гуманитарного знания.

В первую очередь, в совершенствовании нуждается категориальный аппарат, который должен привести теорию от абстрактных рассуждений к практическому использованию. Что представляется возможным рассмотреть?

В частности, кажется немаловажным формализовать то, что память, подобно организму или целой популяции организмов, имеет циклический, замкнутый на себе самой, характер развития. Весь период существования памяти, от зарождения (начала запоминания) до гибели (забвения), вмещается в *мемориальный цикл*.

Память неоднородна. Где-то она присутствует в крайне разряженном, атомарном состоянии, поддерживаясь зачастую случайной, спонтанной волей ее носителя, а где-то отделяется от самого носителя, превращается в сгусток, явление, «место». Следовательно, *плотность памяти* определяется ее коммуникативным потенциалом. Чем выше плотность памяти, тем больше людей способны репродуцировать заложенную в ней информацию другим, в т.ч. последующим поколениям. Плотность характеризует определенный иммунитет памяти перед ее разрушаемостью, это степень действенности противоядия от забвения.

От плотности памяти зависит глубина памяти, или *мемориальная длительность*, представляющая собой временную длину мемориального цикла, своеобразный масштаб его в истории. Чем выше плотность памяти, тем большую мемориальную длительность (глубину) она заслужит.

Суперстойкая длительность – это масштаб тысяч лет, «места памяти» древних цивилизаций, мировых религий.

Среднестойкая длительность – это масштаб сотен лет, «места памяти» наций, революций, государственных диктатов, сакральных ландшафтов и сооружений, исторических личностей, аристократических родов.

Нестойкая длительность – это масштаб одной человеческой жизни, период формирования трех поколений, «места памяти» семейно-родственных коллективов, повседневности.

¹ Нора П. Указ. соч. – С.84.

² Там же. – С.71.

³ Там же. – С.72.

В соответствии с данной градацией можно различать три разных типа мемориального ландшафта: суперстойкий, среднестойкий и нестойкий, каждый из которых образуется следами действия соответствующей цикличности в формате определенной плотности и длительности.

Структура мемориального цикла. Попытки графической репрезентации различных культурных феноменов в гуманитарных науках имеют место: широко известен, например, график этногенеза в теории Л.Н. Гумилева¹. Применение данного способа оправданно при условии принятия самой общей, наглядной схемы, допускающей пренебрежение частностями.

В нашем случае графически выражена структура мемориального цикла (см. график 1). Данный график был разработан в результате обобщения опыта целого ряда мемориальных циклов. По одной оси будет обозначаться плотность памяти, по другой – шкалы мемориальной длительности. Для каждой шкалы логика мемориального цикла в виде «опрокинутой параболы» будет совпадать, а различаться только скоростью протекания этих процессов и частные особенности параболы. Весь мемориальный цикл можно разделить на три стадии: 1) подъем; 2) коммеморация; 3) псевдомеморация. Продолжительность стадий, как и всего мемориального цикла, может варьироваться в пределах той или иной мемориальной длительности.

Цикл начинается с *мемориального нагревания*, который соответствует появлению объекта мемориальной деятельности (то, на что направлена память) и субъекта мемориальной деятельности (тот, кто запоминает). На стадии *подъема* начинают работать процессы запоминания и спонтанной памяти, которые, правда, будучи слабыми, разряженными, атомарными, могут закончиться вынужденной *демеморацией* (забыванием) вследствие затухания или действия внешней причины.

Но если спонтанная память справляется, она переходит на следующую стадию – *коммеморации*, в рамках которой начинает уже действовать управляемая память. Скрытая фаза мнимических процессов сменяется открытой, публичной фазой. Объект памяти, повышая свою плотность, становится утолщением – «местом памяти», причиной определенного отношения, обусловленных действий в виде обсуждений, ритуалов, за ними может следовать уровень высшего поклонения – святость.

Далее следует надлом и спад в виде новой стадии *псевдомеморации*, во время которой «место памяти» может быть утрачено, исчезают бытовавшие с ним ритуалы. Но значение приобретают воспоминания о существовании «места памяти» и ритуалах, связанных с ним (память о памяти). Память начинает поддерживаться с помощью различных средств ее записи на бумажные, эпиграфические, электронные и прочие носители. Память теряет свою плотность, вновь принимает разряженный и атомарный характер. Мемориальный цикл заканчивается *мемориальным остыванием* (забвением).

Подобно птице Феникс, возродившейся из пепла, известны случаи восстановления памяти из своих останков. Забвение уступает место вдруг начавшемуся воспоминанию, начинается процесс *ремеморации*, приводящей к новому мемориальному циклу.

Ссылные как «место памяти»: частный случай мемориального цикла. Проиллюстрировать динамику мемориального цикла можно на примере ссылных, которых следует приравнять, прибегнув к терминологии П. Нора, к одному из «мест памяти» Колы.

По документальным данным, ссылка в Колу зародилась не позднее XVII в. При Екатерине II и Павле I она приняла массовый характер, затем пошла на спад, но не прекращалась вплоть до начала XX в. По воспоминаниям кольских старожилов, и в советское время в Коле, на месте Поля, проживала группа переселенцев из числа раскулаченных крестьян. Более чем 300-летняя история кольской ссылки стала для местной памяти не только раздражителем, но и в известной степени испытанием.

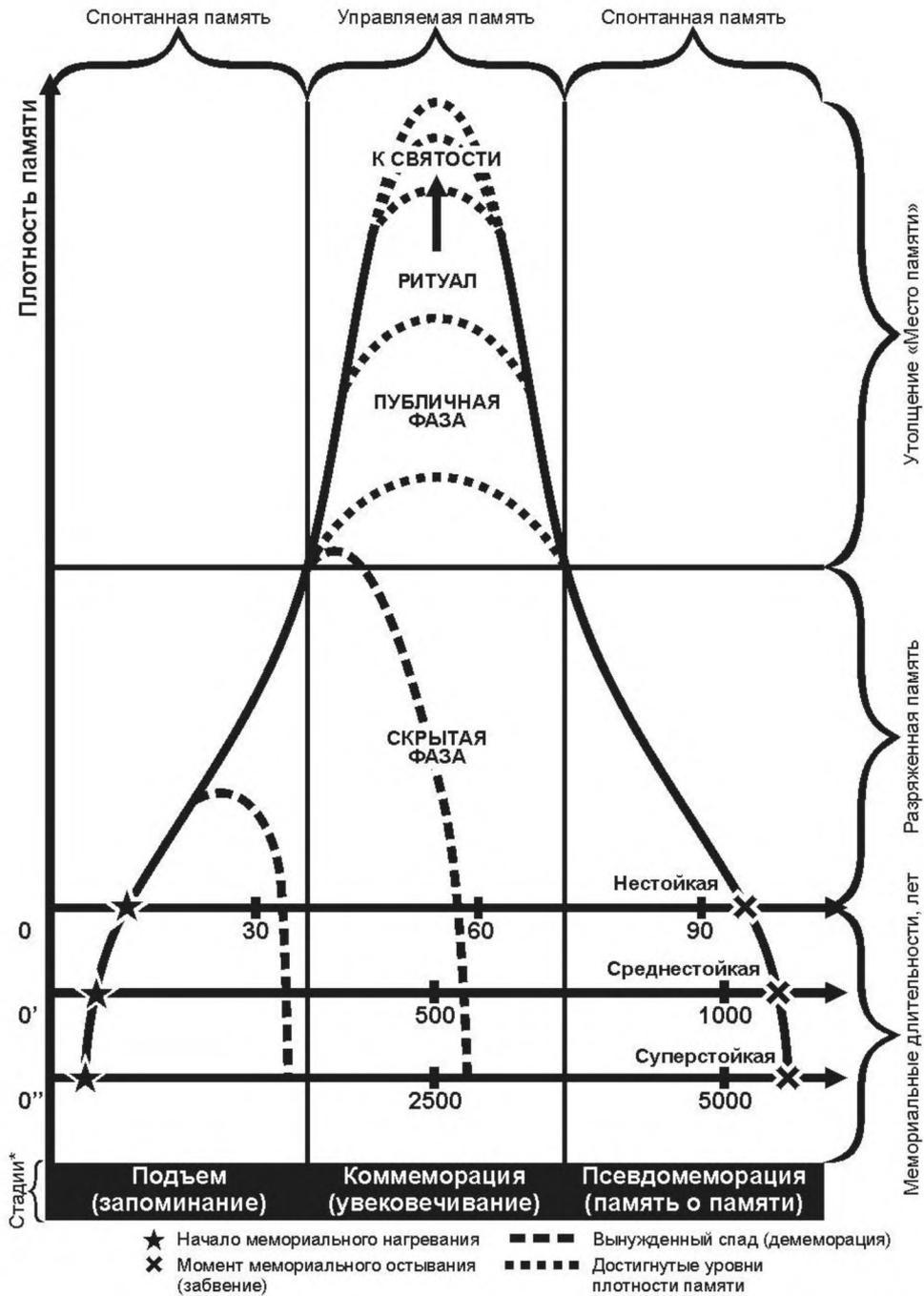
Ссылные, этот отвергаемый государственным ядром сгусток инородного, отбрасываемый в глубину пространства с целью его растворения, обездвиживания, умертвления, находил на окраинах те или иные способы выживания, изначально вызывая к себе неоднозначные отношения местных жителей.

Население государственной и материковой окраины обладало обостренным чувством границы и способностью воспринимать ее двойственную природу: охранять *свое* и открывать *чужое*.

¹ Гумилев Л.Н. От Руси до России. – М., 2001. – С.15.

Структура мемориального цикла

График 1

* Продолжительность стадий и всего цикла может варьироваться

Двойственной сутью были наделены и ссыльные. Поборники уголовного авантюризма, политические противники, раскольники, пробуждающие неприятие здорового государственного духа. Они же – осужденные преступники, нередко изуверные, больные, образованные, обреченные на прозябание в глуши, вызывающие к себе сочувствие и жалость.

Державная Кола чувствовала к этому сгустку подозрение и неприязнь. «Население было так запугано, что многие не решались пускать их в дом», – рассказывали кольские старожилы¹. Ссыльные воспринимались «отбросами» и порождали у самых рьяных жителей агрессию. Находящийся под надзором полиции А. Каурагин обвинял кольского купца Лоушкина и его внука «в нанесении побоев и в насильственном отнятии денег и вещей у него»². Для ссыльных местные жители нередко представляли такими же жертвами, в отношении которых вымещалась вся накопившаяся неприязнь. Поэтому и предатель Гагарка, показавший врагу морской фарватер, не мог трактоваться в ходившем предании иначе, как ссыльный³.

В то же самое время, не переступая границы, коляне и ссыльные осторожно притягивались друг к другу. В их взаимной визуализации всегда присутствовал тщательно скрываемый интерес, который иногда проступал в пересудах, сплетнях и разговорах, не дававших забыть, что Кола «в трех верстах от ада». Тот же интерес заставлял местных жителей открывать ссыльным двери своих домов, нанимать их на работу, сдавать им угол.

До начала советского времени мемориализация ссыльных носила завуалированный характер. Лишь изредка образ ссыльного пробивался на страницы печати.

Революция 1917 г. положила начало *публичной героизации* образа ссыльного как борца с падшим режимом. Судя по рассказам, записанным А.П. Поповым от кольских старожил, в 1938 г. коляне уже стремились представить Колу причастной к громкому делу декабристов, которому советская идеология придавала значение первого революционного выступления. И хотя, по документальным данным, в ссылку на Мурман не попал ни один декабрист, кольский старожил Философ Суслов утверждал, что «в Колу были высланы по делу декабристов много»⁴. Возвышенным смыслом отныне наполнилась и легенда о находившемся под надзором кольской полиции одного воришки, который слухами колян превратился в сбежавшего с сибирской каторги убийцу «кого-то из царской фамилии»⁵. Оставался один шаг до местной «канонизации» ссыльных: людская молва даже присвоила им статус первооткрывателей Колы⁶. Тем самым память, подчиняясь революционному духу, практически восстала против традиции, которую она призвана была ревностно защищать, что не было типично для обыденных мемориальных практик.

Романтизацию кольских ссыльных подхватили историки и краеведы. В 1940-50-е гг. в литературу проникает документально не подтвержденный тезис о том, Кольский Север якобы превратился в место ссылки еще во времена Ивана Грозного, чем косвенно обосновывалась мысль о причастности ссыльных к началу освоения Мурмана⁷. Хотя данный вывод несколько позднее был опровергнут историком И.Ф. Ушаковым, именно его старанием тиражируется и входит в массовое сознание позитивный образ сосланных в Колу пугачевцев и других радикально настроенных деятелей⁸.

С крушением революционных идеалов в 1991 г. ситуация начинает меняться. Следы былой коммеморации еще дают о себе знать в тех рассказах современных старожил, кто от-

¹ Мурманский областной краеведческий музей. – НВ 5187/1-15. – Л. 53об.

² Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. – Мурманск, 2010. – Ч. I: Словарь. – С. 171

³ Мурманский областной краеведческий музей. – НВ 5187/1-15. – Л. 56.

⁴ Там же. – Л. 52об.

⁵ Мурманский областной краеведческий музей. – НВ 5187/1-15. – Л. 55об.-56. См.: Малашенков А.А., Федоров П.В. Указ. соч. – С. 154. См. также примечание 1 на с.44 настоящего издания.

⁶ Мурманский областной краеведческий музей. – НВ 5187/1-15. – Л. 52об.

⁷ См.: Тарасов В.В. Борьба с интервентами на Мурмане в 1918-1920 гг. – Л., 1948. – С. 5-6; Мошкин А. Мурманская область (Краткий исторический очерк) // Мурманская область: Развитие экономики и культуры. – Мурманск, 1956. – С. 4-7, 23.

⁸ См.: Ушаков И.Ф. Кольская земля. – Мурманск, 1972. – С. 183-195, 507-520.

носит ссыльных к числу первожителей Колы. Но в том уже заметно скорее механическое повторение когда-то ранее услышанного, нежели убежденность.

«Первожители?... Да, наверное, какие-нибудь ссыльные, скорее всего... Раньше же ссылали всех на Север... Да тоже так же вот... [Знаю] с литературы... и от народа (смеется). А так... трудно сказать, именно... Ну в основном... тут лопари, очень много лопарей было...» (К7:3.2)

В памяти современных информантов время ссыльных начинает все больше отдаляться вглубь истории.

«Но это давным-давно было, может быть, когда ссыльные еще были...» (К15:3.8)

С другой стороны, при характеристике ссыльных советского времени, информанты уже избегают жесткого дистанцирования от них. Образ ссыльных начинает растворяться среди местного населения.

«Против нас жили Петуховы. У нас в Коле выходцев, знаете откуда? С этих переселенцев, раскулаченных, кто бежал, кто бежал с этих областей: и Архангельской, Вологодской, Новгородской сюда... Вот... Много их было. На Поле много их поселилось... В этом месте. Там, где Поле. Много их жило. Они все же люди работяги, имели определенные специальности... Вот этот Петухов – напротив нас жил, он печник прекрасный. Он клал печки всем. В рыбокоопе работал, ну так печник если, и нам выкладывал, всем... Вот... Так вот много их таких, переселенцев сюда в Коле появилось в это время, когда раскулачивали... очень много в Коле, наверное, очень много...» (К3:7.2)

Таким образом, образы ссыльных, некогда будоражившие и интриговавшие местное сообщество, стремительно теряют свои мотивации и выветриваются из памяти. Мемориальный среднестойкий цикл, пройдя свой апогей в советский период, ныне идет на спад. В свои права вступила псевдомеморация – память о когда-то существовавшей памяти. Недалеко то время, когда узнать о сосланных в Колу деятелях можно будет только из книг.

От «мест памяти» к мнемосфере. В задачу настоящей статьи не входило рассмотрение всех «мест памяти» северных районов Кольского полуострова. Эта поистине захватывающая тема может стать предметом отдельной статьи или даже книги. Гораздо более значимым для себя на данном этапе осмысления автор считал выяснение того, не *что помнят*, а *как помнят* местные жители? Для этого пришлось вematриваться в рациональные основания, на которых эта культура может изучаться и без чего трудно представить себе дальнейшее научное движение.

Сосредоточившись на предворающихся, наиболее общих тенденциях в развитии локального ареала мемориальной культуры, нельзя было не заметить, что социальные трансформации XX-XXI веков обернулись кризисом для местного среднестойкого мемориального ландшафта, следствием чего стало сокращение глубины и плотности памяти, которое, правда, компенсируется насыщением ее содержания.

Специфичны отношения современной памяти со старым наследием. Отживающие и теряющие актуальность «места памяти» консервируются, в рамках старой цикличности ниспадая к *псевдомеморации*. Когда-то исчезнувшие «места памяти», в которых ныне наступает потребность, нередко могут получить вторую жизнь в рамках еще одного мемориального цикла – *ре-меморации*, оборачивающейся не только восстановлением старых значений, но и подменой их новыми. Такова, например, судьба всех возрожденных святынь.

С другой стороны, формируется *новая местная память*, основанная большей частью на биографическом и прагматическом измерениях относительно недавней событийности. Стремясь выглядеть достоверной, актуальной и более осмысленной, современная память отвергает форму предания. Удерживающей оболочкой мнемической единицы ныне воспринимается не словесная форма, а *контекст*, или *смысл*, формируемый мемориальной прозой. Основной функцией памяти на обыденном уровне, за редким исключением, продолжает оставаться охрана традиционности, в том числе через сопротивление, насколько это возможно, наиболее радикальным социальным изменениям и трансформациям.

Таким образом, история отдельно взятого «места памяти», будучи значимой и самоценной вследствие обнаружения новых смыслов, неизбежно становится отражением более общей

картины развития мемориального ландшафта. Мемориальные культурные среды, принадлежащие разным глубинам памяти и вбирающие в себя «места» и «местечки» разной плотности, приходят на сцену истории и уходят с нее, впадают в коррозию и регенерируют, представляя собой более высокий, чем «места памяти», уровень осмысления – *метаисторию памяти*.

Мир памяти напоминает огромную песчаную долину, где каждая песчинка – самоцельное, самодостаточное тело, сливается с тысячами и миллионами таких же песчинок, двигающихся и сплывающихся, превращая пески в большие и малые барханы. «Места памяти» – те самые на время затвердевшие барханы, которые со временем может развеять ветер.

Из бесчисленных песчинок, «местечек» формируется «строительный материал» памяти. Из тысяч и миллионов безвестных голосов рано или поздно складывается симфония памяти, пробуждающая чувство времени, дух истории. Но она не может длиться непрерывно. Однажды эта симфония превращается в смешение звуков, чтобы через некоторое время снова предстать в виде гармонии.

Ритмы больших и малых размерностей памяти образуют *мнемосферу* – живую оболочку Земли, являющуюся связующей тканью между антропосферой, социосферой и ноосферой. Изучение мнемосферы – главная цель метаистории памяти, перспективное занятие для исследователей в XXI веке.

Между «местами памяти» и предельно абстрактной метаисторией памяти открывается широкое поле *memory studies*, которое Я. Ассман рассматривал в качестве самостоятельной дисциплины, изучающей то прошлое, которое осталось в памяти человеческой общности, процессы его моделирования и переоткрытия в настоящем в зависимости от актуальной ситуации. Исследования в рамках *memory studies* уже получили широкое распространение по всему миру, доказав возможность применения не только в общекультурных, но и в сугубо прикладных, прагматичных областях знания, например, в теории менеджмента¹.

В условиях, когда завершится переход от постмодерна к новой парадигме гуманитарного знания, возможно, большую значимость получит не столько сама память, сколько знания о способах ее интерпретации и декодировки: скажем, исторический опыт культуры запоминания; традиции оперирования и манипулирования всеми видами и формами памяти; технологии коммемораций и ремемораций; возрастные и поколенческие особенности памяти в истории и т.д. Значение в этой связи приобретает не только воспоминание, но и рассказ о воспоминании, своего рода текст-саморефлексия. Следует иметь в виду, что любые оговорки информанта, на первый взгляд, несущественные комментарии, связанные с процессом воспоминания, нуждаются в тщательном учете и анализе, поскольку они способны пролить свет на природу памяти и способы ее прочтения.

Изучение метатекста культурной памяти возможно на основе обеспечения свободного доступа научного сообщества к самим источникам, что на сегодняшний день является трудно-разрешимой задачей. Архивы устной истории в России – все еще большая редкость. Фактически не проявляют интереса к этой области и государственные архивохранилища, рассматривающие сбор не только устных, но даже письменных воспоминаний для себя факультативной задачей. При этом далеко не каждый исследователь памяти может и хочет самостоятельно освоить функцию архивации эмпирических материалов, сохраняя их в лучшем случае в самостоятельных архивах университетов, центров, музеев, институтов и т.д., но чаще всего в своем личном владении. Сами условия хранения становятся подчас непреодолимой преградой не только для использования «текстов памяти», но и для подтверждения их достоверности, что является одной из причин обвинения устной истории в субъективности. Представляется, что возможным путем решения этой проблемы может стать архивация мемориальных источников в виртуальных центрах коллективного пользования в сети Интернет, а также распространение традиции их опубликования в традиционной, печатной форме, подобно этому и целому ряду других изданий.

¹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. М. М. Сокольской. – М., 2004; Васильев А. *Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов*. – URL: <http://www.nlobo-oks.ru/node/2640> (дата обращения: 27.08.2013).

Вопросник для проведения исторического интервью с представителем старожильческого населения г. Колы

МАРКЕР (озвучивается после включения диктофона):

Фамилия, имя, отчество информанта:

Дата интервью:

Место интервью:

Интервью проводил (ФИО):

ПРЕАМБУЛА (озвучивается информанту):

Интервью проводится в рамках проекта «Культурная память старожильческого населения северных районов Кольского полуострова в условиях социальных трансформаций», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом и Правительством Мурманской области (руководитель проекта – доктор исторических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе Мурманского государственного гуманитарного университета Павел Викторович Федоров). Записанная информация будет использована в научном исследовании с упоминанием Вашей фамилии, имени и отчества только в том случае, если на то будет получено Ваше разрешение.

1. ДАННЫЕ ОБ ИНФОРМАНТЕ

1.1. Год рождения информанта

1.2. Место рождения информанта

1.2.1. Если информант родился не в Коле, выясняется, где он жил перед приездом в Колу?

1.3. С какого года информант проживает в Коле?

1.4. С какого времени предки информанта живут в Коле?

1.5. Где информант проживает в настоящее время?

1.5.1. Если информант живет не в Коле, выяснить, когда и почему он выехал из Колы?

1.6. Были ли длительные периоды, в которые информант отсутствовал в Коле (указать)

1.7. Примерное количество родственников у информанта, ныне живущих в Коле (указать: до 5, 5 – 10, свыше 10 чел.)

1.8. Где учился и кем работал информант?

2. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ О СЕМЬЕ

2.1. Почему Ваша семья (Ваши предки, родственники) оказались в Коле?

2.2. Что Вы знаете о своих предках, живших в Коле?

2.3. О более древних своих предках слышали?

2.3.1. Уточняется временной слой наиболее древних предков, которых называет информант

2.4. В Вашей семье в советские времена что-то было неприято говорить вслух, обсуждать при соседях?

3. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ О МЕСТЕ ПРОЖИВАНИЯ

3.1. Когда, по Вашему мнению, возникла Кола?

3.1.1. Выяснить, откуда информант слышал или узнал эту информацию?

3.2. Кто, по Вашему мнению, перво жители (основатели) Колы?

3.2.1. Выяснить, откуда информант слышал или узнал эту информацию?

3.3. Почему Кола называется «Колой»?

3.3.1. Выяснить, откуда информант слышал или узнал эту информацию?

3.4. На какие части, по Вашему мнению, делится Кола? Как называются эти части?

3.4.1. Уточнить границы или примерное расположение частей города для внесения на карту.

3.5. Что Вы слышали об истории Благовещенской церкви?

3.6. Что Вы слышали об истории старинного поклонного креста, который сейчас находится в Благовещенской церкви?

3.7. Что Вы слышали об истории дома бывшего уездного казначейства на Советском проспекте?

3.8. Знаете ли Вы в Коле какие-нибудь места, с которыми были связаны истории, поверья, легенды? Что слышали от стариков? Что помните с детства?

3.8.1. Если собеседник знает ответ на этот вопрос, просить уточнить это место для внесения на

карту.

3.8.2. Если собеседник сомневается с ответом на этот вопрос, привести пример в Мурманске есть место бывшей белогвардейской тюрьмы, есть место бывшего кладбища – они сейчас застроены и т.д.

3.8.3. В качестве помощи необходимо направить информанта на возможные воспоминания о различных эпохах в истории Колы – о царских временах, Крымской войне, Гражданской войне, Великой Отечественной войне и т.д.

3.8.4. Что информант помнит о старых частных домах, в которых он жил? Пусть опишет дом, расскажет, что с ним стало.

3.9. Что Вы знаете об истории Кольского кладбища?

3.10. Могилы каких родственников Вы посещаете (по степени родства – родителей, братьев, сестер и т.д.)?

3.11. Сколько раз в год Вы посещаете Кольское кладбище?

3.12. Все ли захоронения сохранились?

3.12.1. Если собеседник отвечает, что не все захоронения сохранились, следует спросить о причине.

4. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И РЕЧЬ

4.1. Помните ли Вы старинные слова, которые использовали коляне?

4.2. Употребляли ли жители Колы прозвища?

4.3. Какие песни пели раньше в Коле?

5. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И РИТУАЛЫ

5.1. Как в Коле раньше играли свадьбы?

5.2. Как в Коле раньше устраивали семейные праздники?

5.3. Как в Коле раньше провожали человека в последний путь?

6. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И АРТЕФАКТЫ

6.1. Какие вещи, хранящиеся у Вас дома или у Ваших близких, напоминают Вам о предках, о прошлом?

6.1.1. Если собеседник затрудняется с ответом, то привести примеры: фотографии, одежда, посуда, иконы, подсвечники, швейные машинки, письма, документы и т.д.

6.1.2. По каждой вещи следует выяснить:

а) к какому времени собеседник относит ее появление в семье?

б) от кого она досталась собеседнику?

в) какие истории, легенды связаны с этой вещью?

6.1.3. Каждую вещь следует сфотографировать.

7. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

7.1. Думали ли Вы когда-нибудь навсегда уехать из Колы?

7.1.1. Если информант собирался или собирается уехать, уточняется причина, куда информант собирался уехать?

7.1.2. Если информант не хотел уезжать, следует спросить, что его держит здесь?

7.2. Что информант хотел бы дополнительно сообщить по теме беседы?

7.3. Разрешает ли информант использовать записанную от него информацию с упоминанием его фамилии, имени, отчества?

7.4. Фотография информанта (при возможности)

ПРИЛОЖЕНИЯ:

(звуковой файл интервью; фотографии информанта, артефактов, включая копии старинных фотографий, с указанием их содержания и времени создания; контурная карта Колы с пометками информанта)

**Вопросник для проведения исторического интервью с представителем
старожильческого населения с. Териберка**

МАРКЕР (озвучивается после включения диктофона):

Фамилия, имя, отчество информанта:

Дата интервью:

Место интервью:

Интервью проводил (ФИО):

ПРЕАМБУЛА (озвучивается информанту):

Интервью проводится в рамках проекта «Культурная память старожильского населения северных районов Кольского полуострова в условиях социальных трансформаций», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом и Правительством Мурманской области (руководитель проекта – доктор исторических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе Мурманского государственного гуманитарного университета Павел Викторович Федоров). Записанная информация будет использована в научном исследовании с упоминанием Вашей фамилии, имени и отчества только в том случае, если на то будет получено Ваше разрешение.

2. ДАННЫЕ ОБ ИНФОРМАНТЕ

1.1. Год рождения информанта

1.2. Место рождения информанта

1.2.1. Если информант родился не в Териберке, выясняется, где он жил перед приездом в Териберку?

1.3. С какого года информант проживает в Териберке?

1.4. С какого времени предки информанта живут в Териберке?

1.5. Где информант проживает в настоящее время?

1.5.1. Если информант живет не в Териберке, выяснить, когда и почему он выехал из Териберки?

1.6. Были ли длительные периоды, в которые информант отсутствовал в Териберке (указать)

1.7. Примерное количество родственников у информанта, ныне живущих в Териберке (указать: до 5, 5 – 10, свыше 10 чел.)

1.8. Где учился и кем работал информант?

2. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ О СЕМЬЕ

2.1. Почему Ваша семья (Ваши предки, родственники) оказались в Териберке?

2.2. Что Вы знаете о своих предках, живших в Териберке?

2.3. О более древних своих предках слышали?

2.3.1. Уточняется временной слой наиболее древних предков, которых называет информант

2.4. В Вашей семье в советские времена что-то было не принято говорить вслух, обсуждать при соседях?

3. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ О МЕСТЕ ПРОЖИВАНИЯ

3.1. Когда, по Вашему мнению, возникла Териберка?

3.1.1. Выяснить, откуда информант слышал или узнал эту информацию?

3.2. Кто, по Вашему мнению, перво жители (основатели) Териберки?

3.2.1. Выяснить, откуда информант слышал или узнал эту информацию?

3.3. Почему Териберка называется «Териберкой»?

3.3.1. Выяснить, откуда информант слышал или узнал эту информацию?

3.4. На какие части, по Вашему мнению, делится Териберка? Как называются эти части?

3.4.1. Следует уточнить границы или примерное расположение частей поселка для внесения на карту.

3.4.2. Следует уточнить – в представлении информанта Лодейное – часть Териберки или другое селение? Когда люди из Териберки стали переезжать в Лодейное и почему?

3.5. Что Вы слышали о древнем колодце в Териберке?

3.6. Что Вы слышали о здании администрации (бывшей почты) в Териберке?

3.7. Что Вы слышали о церквях Териберки?

- 3.7.1. Следует уточнить: как назывались, где находились (с указанием на контурной карте).
- 3.8. Знаете ли Вы в Териберке какие-нибудь места, с которыми были связаны истории, поверья, легенды? Что слышали от стариков? Что помните с детства?
- 3.8.1. Если собеседник знает ответ на этот вопрос, просить уточнить это место для внесения на карту.
- 3.8.2. Если собеседник сомневается с ответом на этот вопрос, привести пример: в Мурманске есть место бывшей белогвардейской тюрьмы, есть место бывшего кладбища – они сейчас застроены и т.д.
- 3.8.3. В качестве помощи необходимо направить информанта на возможные воспоминания о различных эпохах в истории Териберки – о царских временах, Крымской войне, Гражданской войне, Великой Отечественной войне и т.д.
- 3.8.4. Что информант помнит о старых частных домах, в которых он жил? Пусть опишет дом, расскажет, что с ним стало.
- 3.9. Что Вы знаете об истории Териберского кладбища?
- 3.10. Могилы каких родственников Вы посещаете (по степени родства – родителей, братьев, сестер и т.д.)?
- 3.11. Сколько раз в год Вы посещаете Териберское кладбище?
- 3.12. Все ли захоронения сохранились?
- 3.12.1. Если собеседник отвечает, что не все захоронения сохранились, следует спросить о причине.

4. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И РЕЧЬ

- 4.1. Помните ли Вы старинные слова, которые использовали жители Териберки?
- 4.1.1. В качестве примера можно спросить, помнит ли информант смысл слова «колония»?
- 4.2. Употребляли ли жители Териберки прозвища? Какие?
- 4.3. Какие песни пели раньше в Териберке?

5. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И РИТУАЛЫ

- 5.1. Как в Териберке раньше играли свадьбы?
- 5.2. Как в Териберке раньше устраивали семейные праздники?
- 5.3. Как в Териберке раньше провожали человека в последний путь?

6. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И АРТЕФАКТЫ

- 6.1. Какие вещи, хранящиеся дома у Вас или у Ваших близких, напоминают Вам о предках, о прошлом?
- 6.1.1. Если собеседник затрудняется с ответом, то привести примеры: фотографии, одежда, посуда, иконы, подсвечники, швейные машинки, письма, документы и т.д.
- 6.1.2. По каждой вещи следует выяснить:
- а) к какому времени собеседник относит ее появление в семье?
 - б) от кого она досталась собеседнику?
 - в) какие истории, легенды связаны с этой вещью?
- 6.1.3. Каждую вещь следует сфотографировать.

7. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

- 7.1. Думали ли Вы когда-нибудь навсегда уехать из Териберки?
- 7.1.1. Если информант собирался или собирается уехать, уточняется причина, куда информант собирался уехать?
- 7.1.2. Если информант не хотел уезжать, следует спросить, что его держит здесь?
- 7.2. Что информант хотел бы дополнительно сообщить по теме беседы?
- 7.3. Разрешает ли информант использовать записанную от него информацию с упоминанием его фамилии, имени, отчества?
- 7.4. Фотография информанта (при возможности)

ПРИЛОЖЕНИЯ:

(звуковой файл интервью; фотографии информанта, артефактов, включая копии старинных фотографий, с указанием их содержания и времени создания; контурная карта Териберки с пометками информанта)

Таблица 1

Информанты по г. Кола

Информант	Год рождения	Пол	С какого времени семья (род) информанта проживает в Коле или ее окрестностях (со слов информанта)	Период (периоды), когда информант проживал в Коле или ее окрестностях (со слов информанта)	Общее количество лет, прожитых информантом в Коле или ее окрестностях на момент проведения интервью	Место проживания информанта на момент проведения интервью
К1	1928 г.	Ж	До 1892 г.	1928-1939, 1943 – наст. время	80	Кола
К2	1930 г.	М	До 1903 г.	1930-1941, 1944-1950, 1953 – наст. время	76	Кола
К3	1931 г.	М	XVIII в.	1931-1941, 1944-1954, 1956 – наст. время	76	Кола
К4	1932 г.	Ж	1934 г.	1934 – наст. время	78	Кола
К5	1934 г.	Ж	1775 г.	1934-1941, 1943 – наст. время (кроме 2,5 лет)	73	Мурманск
К6	1936 г.	Ж	XIX в.	1936 – наст. время	76	Кола
К7	1939 г.	Ж	До 1733 г.	1939-1959, 1970 – наст. время	62	Кола
К8	1941 г.	Ж	1937 г.	1941-1960, 1963 – наст. время	68	Кола
К9	1945 г.	Ж	До 1908 г.	1945 – наст. время	67	Кола
К10	1947 г.	Ж	До 1907 г.	1947 – наст. время	65	Кола
К11	1948 г.	Ж	1949 г.	1949 – наст. время (кроме 2 лет)	61	Кола
К12	1951 г.	Ж	XVII в.	1961 – наст. время (кроме 5 лет)	46	Кола
К13	1954 г.	Ж	1775 г.	1954-1970, 1972 – наст. время	56	Кола
К14	1954 г.	Ж	1848 г.	1954-1974, 1976 – наст. время	56	Кола
К15	1954 г.	Ж	До 1941 г.	1954 – наст. время	58	Кола

Примечание: опрос информантов был проведен в апреле-мае 2012 г.

Информанты по с. Териберка

Информант	Год рождения	Пол	С какого времени семья (род) информанта проживает в Териберке или ее окрестностях (со слов информанта)	Период (периоды), когда информант проживал в Териберке или ее окрестностях (со слов информанта)	Общее количество лет, прожитых информантом в Териберке на момент проведения интервью	Место проживания информанта на момент проведения интервью
T1	1926 г.	Ж	1926 г.	1928-1941, 1943-1944	14 ¹	Мурманск
T2	1927 г.	Ж	1955 г.	1955 – наст. время	58	Териберка
T3	1928 г.	М	1945 г.	1945 – наст. время	67	Териберка, Мурманск
T4	1929 г.	Ж	1949 г.	1949 – наст. время	63	Териберка
T5	1934 г.	Ж	1958 г.	1958 – наст. время	54	Териберка
T6	1934 г.	Ж	1950 г.	1950-1961, 1963 – наст. время	60	Териберка
T7	1938 г.	Ж	1962 г.	1962 – наст. время	50	Териберка, Североморск-3
T8	1945 г.	Ж	1929 г.	1945 – наст. время (кроме 7 лет)	60	Териберка
T9	1946 г.	Ж	До 1919 г.	1946 – наст. время	66	Териберка
T10	1958 г.	М	До 1934 г.	1958-1985, 1997 – наст. время	42	Териберка
T11	1967 г.	Ж	1946 г.	1975 – наст. время (кроме 2 лет)	35 ²	Териберка

Примечание: опрос информантов T1 и T2 был проведен соответственно в январе и июле 2013 г., опрос остальных информантов – в июне 2012 г.

¹ На момент проведения интервью информант прожила в северных районах Кольского полуострова в общей сложности 60 лет (1928-1941, 1943-1980, с 2000 г. по настоящее время).

² На момент проведения интервью информант прожила в северных районах Кольского полуострова в общей сложности 45 лет (с 1967 г.)

Таблица 3

Структурно-логическая матрица вопросника для информанта

Аспекты содержания (факторы) культурной памяти	Формы (слои) памяти		
	Легендарная (транс-поколенческая)	Долговременная (очевидца или современника событий)	Культурная память, переходящая в ситу-минутное действие (отношение)
Память о семье	2.1; 2.2; 2.3;	2.1; 2.2; 2.4;	3.10; 3.11; 3.12
Память о населенном пункте	3.1; 3.2; 3.3; 3.4; 3.5; 3.6; 3.7; 3.8; 3.9;	3.4; 3.5; 3.6; 3.7; 3.8; 3.9;	3.11; 7.1
Память о местной речи	4.1; 4.2; 4.3;	4.1; 4.2; 4.3;	Особенности речи информанта
Память о местных ритуалах	5.1; 5.2; 5.3	5.1; 5.2; 5.3	5.1; 5.2; 5.3
Память об артефактах	6.1	6.1	6.1

Примечания: в графах приведены номера вопросов (см. Приложения 1, 2)

Таблица 4

Кольские подземные ходы в рассказах информантов и научных текстах

Рассказы информантов	Научные тексты
«У нас же в Коле, рассказывали, были два подземных хода, которые... могли люди передвигаться. Вот, по-моему, даже один подземный ход был от Благовещенской церкви до... этого... казначейства» (К11:3.8)	«... На "Плане Кольскому острогу" рядом со средней башней восточной стены показаны "Водяные ворота", а в южной, близ глухой юго-западной угловой башни, – "потайный выход из крепости за город" для вылазок, являющийся, вероятно, одним из двух тайников, о которых в феврале 1701 г. упомянул капитан Г. Животовский» (Косточкин В.В. Деревянный "город" Колы (Из истории русского оборонного зодчества конца XVI – XVII вв.) // Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси. – М., 1958. – С. 215).
«Говорили, что там подземный проход еще был, а от этого рва к берегу» (К6:3.5)	«... Внизу сооружены были "водяные ворота"; неподалеку от них, под башенкой, имелся "тайник" – скрытый ход к воде реки Колы (Ушаков И.Ф. Кольский острог (1583-1854): Военно-исторический очерк. – Мурманск, 1960. – С. 9).
	«За воеводским двором, у Чепучинной башни, для вылазок был вырыт «потайный выход из крепости за город» (Ушаков И.Ф. Кольский острог (1583-1854): Военно-исторический очерк. – Мурманск, 1960. – С. 25).